

Эдуард Веркин

ТОТ, КТО СТОИТ
ЗА СПИНОЙ

ОТ ОБЛАДАТЕЛЯ ПРЕМИЙ «КНИГУРУ», «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ», «ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА»!

Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?

Эдуард Веркин

Тот, кто стоит за спиной

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Веркин Э. Н.

Тот, кто стоит за спиной / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2020 — (Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?)

ISBN 978-5-04-108914-6

Тот, кто стоит за спиной Считаешь, бука – страшилка для маленьких?
Несмотря на свое безобидное прозвище он – настоящее чудовище! Кошмар,
страх, паника... Не существует слова, чтобы описать те ощущения, которые
испытываешь, столкнувшись с ним в реальности. И рациональные аргументы
не помогают. Оружие не помогает тоже. Обычно бука стоит у тебя за спиной.
Но не вздумай оглянуться: если ты его увидишь – это конец! Вендиго. Демон
леса Давно уже Монстр из пригорода, Чудовище из мрака, просто обычный
пёс, наверное, последний на Земле. Он путешествует среди руин человеческих
обиталищ, пытаясь найти пропитание. Людей осталось слишком мало, зато
тварей становится все больше и больше. Они сильны, они опасны... и они
наступают.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-108914-6

© Веркин Э. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Тот, кто стоит за спиной	6
1. Пугач	6
2. Теория страха	11
3. Влоор	19
4. Бухарово	24
5. Попал под лошадь	28
6. Деревяшка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдуард Веркин

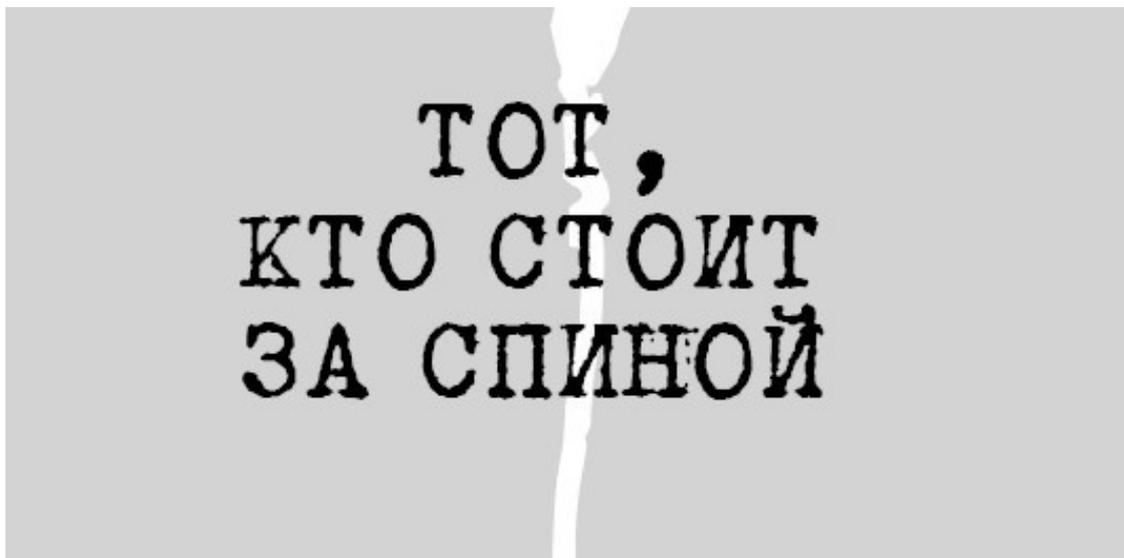
Тот, кто стоит за спиной

© Веркин Э., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Тот, кто стоит за спиной

1. Пугач

Сомёноква ждала уже полчаса. Уроки закончились в половину второго, и он должен был появиться. Но не появился, то ли тянул, то ли вовсе его в школе не было сегодня. Может, завтра подойти?

Завтра неплохо бы, только вот ждать...

Ага.

Дверь хлопнула, на крыльце показался Круглов, она его как-то сразу узнала. Тощий, в тяжёлых ботинках, всё как рассказывали. И выражение лица тоже как рассказывали. Чересчур самоуверенное.

Он брезгливо огляделся, плюнул за перила, сбежал по лестнице и деловито протопал мимо Сомёнковой, довольно нагло задев её рюкзаком.

Хам, подумала она. И почти сразу вспомнила, что все приличные люди в этом возрасте хамы, защитная реакция такая, если не будешь хамом, то другие, настоящие хамы, прикидывающиеся добрыми людьми, мгновенно тебя сожрут. На полтора зуба.

– Эй! – позвала она.

Парень не остановился.

– Круглов!

Парень обернулся.

– погоди!

Девушка подбежала к нему, едва за рукав не уцепилась. Парень ухмыльнулся.

– Ты ведь Круглов? – спросила она.

– Ну.

Он зевнул. Точно наглый. Она не стала бы с таким дружить. А с ним и так никто, наверное, не дружит, ещё бы – водиться с таким странным типом...

– Что тебе, Изергиль? – спросил Круглов.

– Разговор есть. Я не Изергиль вообще-то.

– Все так говорят. Так чего надо-то?

Парень зевнул, достал из кармана мятные леденцы.

– Будешь? – спросил.

Она от леденцов отказалась.

– Зря. Освежают дыхание. Если разговор – то тут парк по пути. Можем там поболтать.

– Хорошо, пусть в парк.

Они двинулись в сторону парка.

Круглов, кажется, учился в девятом, на год младше, и Сомёнкова долго думала, как себя с ним вести: на равных или чуть свысока? Решила, что лучше на равных, во всяком случае, на первом этапе, потом поглядим.

Он нарочно шагал слишком быстро, ей приходилось поторапливаться, что очень мешало думать, а замедляться парень явно не собирался, шагал себе, жевал жвачку, надувал зелёные пузыри, придурок.

Они прошли парк почти до середины, до старой скучной карусели, остановились под ней, недалеко от покосившегося тира.

– Ну, чего надо? – недружелюбно спросил Круглов.

– Понимаешь, у меня странная просьба... – начала Сомёнкова. – Она необычная...

– Ого! – Круглов сделал большие глаза. – Ты меня, Изергиль, интригуешь, однако. Знаешь, иногда у... – он быстро окинул её прищуренным взглядом, – спортсменок, видимо... Так вот, у спортсменок иногда такие причуды – мама вздрогнет. Вот был я знаком с одной бобслеисткой, так она машины толкать любила.

– Как?

– Так. В прямом смысле. Идём по улице, мечтаем, о Бальмонте беседуем, а она вдруг и говорит: «Виктуар, видишь вон ту чёрную «восьмёрку»? Так я её сейчас толкну в полтолчка». И раз – подбегает к машине – и толкает, так запросто, без предупреждения. Сигнализация, конечно, срабатывает, мы удираем от хозяина с монтировкой, очень весело. Особенно если каждый день по два раза. Ты как, не бобслеистка, случаем?

– Не, я на коньках...

– На коньках – это уже лучше, с коньками не забалуешь. Хотя я слышал, вы там об лёд часто стучаетесь, и всё головой. Правда?

– Нет, я не стучалась. Два раза рёбра ломала, а головой нет...

– Точно? – сочувственно спросил Круглов.

– Да...

Сомёнкова вдруг почувствовала себя глупо. Она стоит возле старого тира и убеждает парня, который к тому же младше её на год, что она никогда не стучалась головой об лёд. С третьего класса про это мечтала.

– Это хорошо, что ты не стучалась, – он похлопал её по плечу. – Просто здорово. Так чего тебе от меня-то надо?

– Надо кое-кого проучить, – сказала девушка.

– Это не ко мне, – отрезал Круглов. – Это к Лосю, он кого хочешь проучит. И недорого, две штуки – зуб, штука – фонарь, куртку в грязи извалять – почти бесплатно...

– Мне не так нужно.

– А как? – ухмыльнулся Витька.

– Как с Пушкиной.

Круглов не прореагировал. Сомёнкова предположила, что он сделает большие глаза, спросит: «А ты откуда знаешь?» Но он и здесь проявил удивительное равнодушие, леденец в рот закинул.

– Как с Пушкиной, – повторила она с ударением.

– С какой Пушкиной-то? – лениво спросил парень. – Племянницей Александра Сергеевича?

– Из четырнадцатой школы которая.

– И что с ней такого случилось? – улыбнулся Круглов.

– Как – что? В дурдом на неделю загремела.

– Да? – удивился парень. – В дурдом?

– В психушку, – уточнила Сомёнкова.

– В психушку... А я при чём?

– Да ладно! – Она осмелилась схватить его за рукав. – Все знают, что это ты!

– Я её в дурдом отправил?! Ты что, хоккеистка, опомнись...

Девушка помотала головой:

– Нет, ты не так понял. Ты её напугал как следует, а в дурдом её уже родители определили, она на всех дома кидалась... Знаешь, ей дурдом только на пользу пошёл – сейчас отличницей стала, в хоре поёт.

– В церковно-приходском? – осведомился Круглов.

– Не знаю... Мне тоже надо.

– В дурдом? – уточнил Круглов. – Или в хоре петь?

– Хватит прикалываться, – попросила Сомёнкова. – В дурдом мне не надо. И в хор тоже – у меня слуха нет. Мне требуется помощь. Понимаешь, она сделала мне гадость...

Витька вздохнул.

– Она сделала мне гадость, – повторила девушка. – Знаешь... – Она поморщилась.

– И ты как настоящая добрая самаритянка собираешься сделать ей ответную? – закончил он.

Круглов наклонился, поднял кусок асфальта, швырнул в разбитое окно тира, асфальт упал на что-то мягкое, не громыхнул.

– Ну, в общих чертах если, – согласилась Сомёнкова. – Только не гадость сделать, а проучить.

– Чрезвычайно гуманно, – согласился он. – Не гадость, но проучить... – это антично, как ты думаешь?

– Как?

– Антично, – повторил парень. – Ну, «Одиссея», «Илиада», древние греки всякие. Читала?

– Читала...

– Высок уровень образования среди наших хоккеисток, что не может не радовать. Ладно, Изергиль, повеселились и хватит. Ты хочешь отомстить некоей inferнальной...

– Любке.

– О ужас, Любке! А при чём здесь я? Это ваши девчачьи разборки.

– Но это ведь ты... Ты наколдовал Пушкиной...

– Что?! – вот здесь Круглов, кажется, удивился.

С реки поднялся ветер, карусель ожила, пошевеливалась и издавала пронзительные живые звуки. Сомёнкова поглядела на неё с опаской – а вдруг сейчас на голову завалится?

– Ты же на неё порчу навёл, мне рассказывали...

Это она произнесла совсем шёпотом, чтобы никто-никто не услышал.

– Во дуры-то... – Парень помотал головой. – Нет, всегда знал, что девушки в этом возрасте интеллектом не изуродованы, но чтобы до такой степени... Какое колдовство? Какая порча? Ты что, красавица, халвы объелась?!

– Я нет... Но Пушкина ведь почти месяц в школу не ходила. Говорят, её в психлечебницу возили... Ты вроде как это... Пугач?

– Это вас всех в психлечебницу надо! – Круглов постучал себя по голове. – Пугач... У вас крышу сносит, а потом вы чёрт-те что придумываете! И ко мне пристаёте. Тебе хоккея мало, ты иди на греблю, что ли, запишись – энергия дурная сразу снизится...

Сомёнкова разрыдалась. Страстно, отчаянно, безнадежно, ещё в пятом классе так выучилась, когда отец не купил телефон. Три минуты – и новенькая «Нокия» в кармане. Безотказное оружие, главное, не использовать его слишком часто. А так никто устоять не может.

Но Круглова не пробило.

– Ага, – кивнул он. – Истерика, охотно верю. Всё с тобой понятно. – И отправился дальше.

– Стой!

Он остановился.

– Стой.

Сомёнкова подошла к Круглову и достала из сумочки мобильник. Это была уже не старенькая «Нокия».

– Айфон, – поморщился Круглов. – Интересно...

– Четвёртый, совсем свеженький.

Сомёнкова протянула коммуникатор Витьке. На мобильник она копила почти год, расставаться с ним было жалко, но Любку на самом деле требовалось проучить. Телефоном придётся пожертвовать.

– На.

– У меня такой есть, – опять зевнул Круглов. – И айпод тоже. И Пи-Эс-Пи новую я тоже заказал. Это я тебе так, на всякий случай говорю. Предвосхищаю полёт твоей фантазии, так сказать...

– Ну я не знаю... Помоги, а?

– Она у тебя что, дружка увела, что ли? – ехидно осведомился парень.

– Нет! – Девушка опять покраснела. – Любка... Это без разницы. Я хочу её хорошенько проучить. За что – неважно.

– Кого её-то?

– Ты не знаешь, она в другой вообще школе... Мы вместе на катание ходим.

– А, понятно, вместе коньком ушибленные, так бы сразу и сказала.

Сомёнкова скрипнула зубами.

– У тебя отец где работает? – спросил вдруг Круглов.

– В ГИБДД.

Он задумался примерно на минуту.

– Права сделать может? – спросил он.

- Кому?
- Мне, кому-кому.
- Так тебе ещё шестнадцать нет, а учиться можно...
- Я не тороплю, – ухмыльнулся парень. – Я тебе сейчас помогу, ты мне потом. Как?
- Девушка немного подумала. Через год она сама собиралась сдавать на права, отец обещал помочь. Если сказать, что Круглов её друг, то поможет и ему. Наверное. То есть скорее всего.
- Хорошо, – согласилась она.
- Что – хорошо?
- Будут тебе права. Но не сейчас, года через два. Как?
- Витька ухмыльнулся.
- Что? – Сомёнкова на всякий случай обернулась – никого.
- Смотри, если надуешь...
- Вот ещё! – фыркнула Сомёнкова.
- Тогда надо обсудить детали, – сказал он. – Это такое дело, просто так...
- Пойдём в «Театральное», – предложила девушка. – Там недорого...
- Ты что, в самом деле коньком ушибленная? Кто ж такие вещи в кафе обсуждает? Нет, дорогуша, забудь. Тут нужна конспирация. Мы ведь не пирожками торговать собираемся. Пойдём ко мне, обсудим операцию.
- А ты где живёшь?
- В Афанасове. Что, боишься уже? – Круглов зловеще ухмыльнулся.
- Сомёнкова подумала, что, может быть, она это всё и зря.
- Не боюсь, – упрямо сказала она. – Поехали.

2. Теория страха

– Ну, и где ты живёшь? – ехидно осведомилась Сомёнкова.

– Тут уже недалеко, – успокоил парень. – Минут пять осталось.

Автобус катил по частному сектору, мимо медленно проползали скучные одноэтажные дома с поленницами и пристроенными гаражами, девушка зевала и поглядывала на спутника с сочувствием. Жить здесь... У них и газа тут, кажется, нет, наверное, дровами топят. И туалет на улице, по принципу «одной палкой опирайся, другой от волков отбивайся». Ещё и кладбище недалеко, вспомнила она. Зброшенное. И Круглов там, наверно, конфеты с могил собирает. А потом их продаёт, на айфон собирает... Нет, это уже слишком, непохоже на него. Не собирает конфеты, просто подрабатывает копателем. За сдельную плату. Ну, или просто гуляет – фотографии на могилах рассматривает...

Автобус остановился.

– Вылезаем, – сказал Витька.

И руки даже не подал, кавалер.

Выбрались на воздух. Дождь, невидимый, но противный, Сомёнкова пожалела, что не взяла зонтик и не надела сапоги, а Круглову, кажется, непогода совсем не мешала – пугач самодостаточно пошлёпал по лужам.

Пришлось догонять.

Они шагали по узенькой улочке имени Генералова. Никакого асфальта улице не полагалось, а полагались грязь, песок, лужи и мокрые собаки. Её спутник был им явно знаком, а вот на неё они поглядывали с подозрением. И улица Генералова тянулась и тянулась, настроение у девушки ухудшалось пропорционально длине – в конце улицы дома совсем испортились, сужились, краска облупилась, крыши просели, а заборы завалились по сторонам. Заросшие сады, яблони, увешанные никому не нужными красными яблоками, на фоне опавшей листвы они смотрелись зловеще.

– Круглов, ты что, в сарае живёшь? – спросила Сомёнкова, вляпавшись в очередную лужу.

– Почти. Тут уже рядом. Метров пятьсот.

Улица Генералова неожиданно кончилась, вросла в землю, растворилась в зарослях рябины. То есть кончилась одна улица Генералова и началась другая. Совсем другая. С высокими кирпичными заборами. С гладким чистым асфальтом, с чугунными фонарями.

И с особняками. Не скучными загородными коттеджами, а с настоящими маленькими виллами. Настроение у Сомёнковой продолжило ухудшаться.

Они проследовали мимо всех особняков и углубились в лес. Здесь дорога была узкая, на одну машину, виляла между деревьями. Асфальт кончился, и они шагали вдоль обочины грунтовок под низко склонившимися рябинами, которые умудрялись стряхивать воду девушке прямо за шиворот.

Из-за очередного поворота показался дом, большой и красивый, окружённый высоким кирпичным забором, с воротами, похожими на ворота Зимнего дворца.

Сомёнкова хотела осведомиться у Круглова, не устроился ли он истопником на полставки, однако почему-то подумала, что он вовсе не подсобный рабочий. Уж очень уверенно он приблизился к воротам и набрал код на домофоне.

– Проходи, – Витька толкнул ворота, они отворились с мягким звуком.

– Это что...

– Это то. Ты пойдёшь или будешь и дальше восхищаться?

Девушка вошла и открыла рот. Сразу за воротами стоял «БМВ Х6». Новенький, блестящий, похожий на звездолёт. Она не очень хорошо разбиралась в автомобилях, зато её младший брат разбирался. И такой вот автомобиль изображался на плакате, висящем у него над койкой.

Она прищурилась, поглядела на корму машины. Так и есть, Х6. Белоснежный. Да...

– Это папашин, – пояснил Круглов. – Я ему говорил, купи «Ниссан», будь как все... А он мне про голодное детство в Кременчуге. А так ничего машинка, парковаться, правда, трудно.

Сомёнкова вспомнила отцовскую «шестёрку», починаемую раз в месяц. Вспомнила айфон и скандал, предшествующий его покупке. И опять покраснела. Только теперь от досады.

– Ну, домой-то пойдём или так и будем на него пялиться? – раздражённо спросил парень.

– Пойдём, конечно...

Круглов направился к дому. По кирпичной тропинке.

Девушке очень хотелось спросить, кто у него папа. Потому что она никогда не думала... И чего он в такую школу замызганную ходит?

– Слушай, Круглов, а зачем тебе права? – спросила она. – Тебе папа и так, наверное, купит...

– Купит, – кивнул он. – Только так неинтересно. Самому интереснее.

– Так ты пойдёшь поучись.

– Так я и пойду, – сказал Витька. – Поучусь. Это я так, на всякий.

Вблизи особняк ещё больше походил на дворец. Кирпичный, трёхэтажный, с железной крышей, коваными балкончиками, с флюгерами и башенками, только маленький. Возле крыльца торчали из травы уродливые глиняные гномы. Круглов толкнул дверь, она отворилась со старомодным скрипучим звуком.

Они оказались в холле. Сомёнкова про себя вздохнула: в одном этом холле уместились бы две её квартиры. На стенах картины, мебель разная, красивая в основном, странные люстры, похожие на бамбуковые обрезки, и вообще китайский стиль, отметила она. Фэншуй. У неё сестра в своё время тоже увлекалась, кровать ставила ногами на восток, пирамидки везде, шары прозрачные, Анна два раза поскальзывалась.

Из-за кресла выкатился младенец, погружённый в бегунки. Белобрысый, толстый, перемазанный шоколадом. В сером сиротском комбинезончике, в чёрных валенках. Странно одет, подумала девушка, трёхэтажный дом, а одежда побродяжная, застиранная, древняя какая-то.

– Это Федул, – пояснил Круглов. – Мой брат.

– Здравствуй, Федул. – Она попробовала сделать доброе лицо, Федул испугался.

– Федул губы надул, – сказал Круглов. – Ладно, пойдём ко мне, поболтаем.

Он потащил Сомёнкову к лестнице.

– Здравствуйте! – из кухни показалась молодая женщина, Сомёнкова подумала, что сестра Круглова.

– Здравствуй, ма, – кивнул парень. – А это Сомёнкова, она с вышки прыгает, чемпионка.

– Здравствуйте, – засмушалась девушка. – Я не прыгаю...

– Прыгает-прыгает, – перебил он. – Меня пришла агитировать. У них там мальчиков не хватает.

– Почему? – спросила мама.

– В прошлом году забыли воду в бассейн налить – трое юношей всмятку разбились, – объяснил Круглов. – Теперь соревнования под вопросом.

– Да... – мама сочувственно покивала. – А они разве не видели, что воды нет?

– Конечно, не видели, – сказал Витька. – Это же ночные прыжки. Новый вид, но на сочинской Олимпиаде уже будет представлен. Ладно, Сомёнкова, пойдём, заполню анкету, что ли, отказ от претензий...

Они пересекли холл, стали подниматься по лестнице, Федул корчил вслед рожицы и грозил лопаткой.

Лестница скрипела, Круглов сказал, что это неслучайно – особая финская лестница, которая своим скрипом предупреждает о появлении злоумышленников, очень удобно.

Комната располагалась в конце коридора, парень снял с шеи ключ и открыл дверь. Девушка позавидовала в очередной раз за этот день – у него имелась собственная комната с собственным *ключом*.

Он толкнул плечом дверь.

– Дамы вперёд, – улыбнулся Круглов.

Сомёнкова вошла первой, её спутник включил свет.

– Ого! – восхитилась она. – Это... Это что?

– Хоррор, пионерская готика, триллер, немного мистики. Отечественные авторы, Стивен Кинг, Лавкрафт. Вся классика, короче.

От пола до потолка, Сомёнкова не видела никогда столько книг в одном отдельно взятом доме. И кассет. У них тоже когда-то хранилось много кассет, отец ещё пять лет назад их выкинул, но, конечно, до этой библиотеки ей было далеко.

– Книги, фильмы, игры – компьютерные и настольные, есть даже второе издание «Дракулы», – похвастался Витька.

– Ты что, читаешь страшилки? – усмехнулась она.

– Читал. От одиннадцати до четырнадцати, как полагается. Теперь изучаю.

– С какой целью?

Круглов снял с полки книжку.

– В них наиболее полно отражается время. Коллективное бессознательное поколение. Все страхи, фобии и так далее. Теория страха, весьма и весьма полезная штука.

– А раньше зачем читал?

– А ты что, не читала? – Он прищурился.

– Нет...

– Запомни мой совет, голубушка, – сказал парень. – Не доверяй людям, которые в детстве не читали страшилок.

– Почему? – не поняла девушка.

– Потому. Вот взять тебя. Ты не читала страшилок – и теперь собираешься сделать своей подруге серьёзную гадость...

– Она первая начала!

– Ну конечно, – кивнул Круглов. – Она первая начала. И теперь ты собираешься ввергнуть её в пасть безумия, всё понятно. А вот если бы ты читала страшилки, то относилась бы к своим жалким личным катастрофам более философски.

– С чего это вдруг? – насупилась Сомёнкова.

– Долго объяснять. Страшилка всегда чётко разделяет добро и зло. И добро в ней, как правило, побеждает. То есть, по сути, каждая страшилка – это урок динамической добродетели. Укрепление души. А ты... – Он посмотрел на девушку пристально. – Ты, наверное, Достоевского любишь?

Она опять покраснела.

– Всё с тобой понятно, госпожа Мармеладова. Сначала своей подруге устроишь фантастическую гадость, потом будешь четыреста страниц каяться, улучшать духовность. Знаем.

– Я не хочу фантастическую гадость, я хочу немного напугать.

– Насколько немного? – спросил Круглов. – До седых волос? До памперсов? Как?

– Немножко... – показала пальцами Сомёнкова. – Чтобы ей тоже плохо было.

– Ну-ну...

Витька вернул книжку на полку, устроился за компьютером.

Девушка чувствовала себя некомфортно. Воробьём, напросившимся в гости к королевской кобре, примерно так. Особняк, машина, компьютер, осьминог с пристальным взглядом на

стене. Аквариум пустой, с каким-то прахом... Нет, вроде не пустой, в мусоре шевельнулось что-то коричневое. Раков он там, что ли, содержит?

– Ты садись в кресло, – пригласил Круглов.

Сомёнкова села. Кресло оказалось удобным, обхватило за плечи, и ей даже показалось, что начало её укачивать.

– Так ты говоришь, эта Любка тебя... С лестницы столкнула?

– Хуже. Какая разница? Я хочу её напугать. Чтобы... Напугать, короче.

– Не всякого человека можно напугать, – рассуждал хозяин комнаты, сидя за компьютером. – Совсем не каждого. Есть такие люди, которые в принципе не пугаются. Очень светлые, очень добрые. Вот моя двоюродная сестра Танька. Она просто помешана на хорроре. Книжки, фильмы, игры – всё то же самое, что и у меня почти. И при этом совершенно светлый человек – карате занимается, в художку ходит, отличница. Вот её ничто не напугает, она сама кому хочешь в лоб засветит.

– Любка не такая, – сказала Сомёнкова. – Она не отличница. И не светлая. Она, наоборот, вредная. Она сплетница известная.

– Это хорошо. А как насчёт фантазии? Есть люди с такой буйной фантазией, которые от чёрной кошки с утра к вечеру такого навывдумывают, что потом валерьянкой три недели отпаиваются. А есть, наоборот, вообще без фантазии. К таким Годзилла заглянет, а они даже не икнут. Любка твоя как?

– Фантазия у неё есть, – заверила девушка. – Даже о-го-го какая фантазия, такие сплетни гадкие придумывает, прямо тошнит! А уж стишки...

– Какие стишки?

– Никакие. Если фантазия есть, то, значит, получится напугать?

– Для нас нет ничего невозможного, – ухмыльнулся Круглов. И подмигнул. Кому-то за спиной Сомёнковой, так что она аж оглянулась. – Вообще, расскажи о ней подробнее. Для начала внешность...

– Вот, у меня фотография.

Она достала мобильник, сунула Витьке.

Он принялся разглядывать фото, приблизив к экрану нос. Это продолжалось довольно долго, Круглов шевелил бровями, размышлял, хмыкал.

– Ага, – сказал он с удовольствием. – Ну, я думаю, всё.

– Что всё?

– Попала твоя Любка, вот что. Вот смотри, – он ткнул пальцем в экран. – Вот здесь, на левом лацкане пиджака, у неё булавка приколата. Это не просто так...

– То есть?

– Это от сглаза, – пояснил парень. – Все сплетницы ужасно боятся сглаза – давно известный факт. Они чувствуют за собой вину и стараются от неё отгородиться заранее. Вот ещё этому подтверждение. Видишь эту штуку?

– Крест с кольцом? Ну и что?

– Это не крест с кольцом, это анх. Или анкх. Египетский символ жизни. Такую штуку вешают... либо по молодости, либо... Анх отгоняет злые силы. В сочетании с булавкой... Твоя Любка мнительная особа... Теперь припомянай.

– Да... – Сомёнкова оглядывала комнату. – Она точно мнительная...

– Припомянай, говорю! – сказал Круглов уже строго. – Слушай меня или проваливай, это не я к тебе в гости напросился!

– Ладно-ладно! – Она сложила руки.

– Рассказывай. Всё рассказывай про Любку. Что она любит, какие книги читает, ходит ли в кино. Через левое плечо плюёт? Цвет одежды. Любимый киноактёр... Хотя и так понятно, Джонни Депп.

– Да, Джонни Депп... А ты откуда знаешь?

– Рассказывай про Любку, не отвлекай мозг.

Гостя стала рассказывать.

– Любка – она такая... Она музыку любит. Всё трепетя, какая у неё интересная школа раньше была, как она учиться там любила...

– Поменьше лирики, – посоветовал Витька. – Не надо заходить на цель, как пикирующий бомбардировщик, детский сад, соседи по горшкам, сладостный Солигалич... Рассказывай кратко. Но ясно.

– Хорошо. Она ничего не читает, иногда детективы только. Через левое плечо плюёт, помню. Чёрных кошек боится...

– Чёрных кошек боится? – переспросил он.

– Да, я два раза видела. Одевается плохо... То есть неопрятно совсем.

– Не про это, – перебил Круглов. – Опрятно-неопрятно – меня не интересует. Цвет. Что выбирает больше. Тёмную одежду или светлую?

– Тёмную, – сразу же ответила Сомёнкова.

– Фиолетовые предметы есть?

– Есть... Куртка у неё фиолетовая.

Парень зловеще ухмыльнулся.

– А что? – насторожилась девушка. – Фиолетовый цвет – он что, неправильный какой-то?

– Кино какое любит? – не стал отвечать на вопрос Круглов.

– Да какое-какое, как все кино любит. Про вампиров саги... А у меня штаны фиолетовые...

– Можешь дальше не продолжать, – остановил хозяин комнаты. – Всё понятно.

– Ты уже придумал, как её испугать?

– Ага, – кивнул он. – Придумал. Это легко.

– Легко?

– Ага. Вот.

Витька подошёл к книжной полке, снял книжку, сунул Сомёнковой. Та стала листать. Круглов уселся в кресло и ждал.

– «Бука»? – спросила девушка. – Ты что, серьёзно? Это же для детей, это же сказки...

– Как раз то что надо. Любая сказка построена на архетипе...

– Чего? – не поняла она.

– Ну да, это я стгоряча, пожалуй, буду по-простому. Самые примитивные страхи – самые действенные. Темнота, ночные звуки, шорохи в стенах – они не на разум воздействуют, сразу на чувства. А в страшилках собраны как раз самые примитивные страхи. Вот для чего нужны сказки? – Круглов уставился на Сомёнкову. – Ну, отвечай! Зачем нужны сказки?

– Сказки нужны... – Она почесала затылок. – Не знаю...

– Сказки учат детей бояться, – объяснил Витька. – Не открывайте дверь чужаку – это волк, он вас съест. Не ходи одна в лес – там Баба-яга. Не ходи к реке – там водяной. Дети читают – и трясутся от страха. И не открывают, не гуляют, не лезут, не тонут. Вполне утилитарные функции. У страшилки, в принципе, то же. Только на современный лад. Буку, бабая, Бабу-ягу человек начинает бояться раньше всего. И именно это глубже всего в мозги и въедается. – Круглов постучал себя по голове. – На этом и сыграем. Нужна только точка кристаллизации...

– Что?

Сомёнкова чувствовала себя законченной душой, это было весьма неприятное чувство.

– Зацепка, – пояснил парень. – Кино про вампиров видела? Вампир не может войти в дом без приглашения, так и тут. Она должна впустить нас. То есть она должна, сама того не ведая, вовлечься в нашу игру. Для этого и понадобится «Бука». Это как раз то, что надо. Ты

будешь это читать при каждой вашей встрече и делать вид, что тебе очень-очень интересно. Она попросит...

– Она не попросит, – сказала гостья.

– Она должна попросить. И она попросит. Сначала поинтересуется, что это, а ты не ответишь. И ей станет гораздо интереснее, и в конце концов она возьмёт эту книжку почитать. А потом... – Круглов почесал нос. – У меня есть некоторые интересные идеи, потом тебе расскажу. А пока книжка. Скажешь, что эта книжка неизвестная, от неизвестного автора.

– Так в Интернете же легко всё проверить, – попыталась возразить девушка.

– Ничего она не найдёт в Интернете. – Он помотал головой. – Во-первых, я слегка доработаю текст. Упрощу, поменяю имена и прочее, опознать его будет нелегко. Во-вторых, мы его распечатаем на принтере без начала и конца – для загадочности. В-третьих, ты скажешь, что нашла книжку на кладбище.

– Как?

– Нашла на кладбище. Не на могиле, конечно. В портфеле. Чёрный такой портфель, новенький, лакированный, ты как увидела, так он тебя к себе как бы поманил.

– Я что, дура, по кладбищам гулять? – спросила гостья.

Круглов потёр лоб.

– Трудно нам с тобой будет, Сомёнкова, – сказал он. – Дремучий ты человек, точно Изергиль.

Она в восьмой раз пожалела, что связалась с этим Кругловым. Всё шло не так, как она предполагала, как-то совсем уж по-дурачки, по-глупому. Она хотела даже встать и уйти, но потом вспомнила Любку. Её торжествующее лицо, и как все смеялись, а она стояла дура дурой...

– Понимаю, – покачал головой Круглов. – Этот человек должен быть строго наказан. Мести резоны перевешивают разума бозоны. Хвалю, ты просто вылитая Хель в профиль.

– Какая ещё Хмель...

– Хель, – поправил он. – Богиня смерти и мести у древних скандинавов. В твоей родне нет викингов?

– Я...

– Тсс! – Витька приложил к губам палец. – Тише, голубушка, тише. Не надо слов, надо дел. Вернёмся к нашему кладбищу. Это неважно, гуляла ты или не гуляла. Скажешь, что ходила навестить прадедушку. Возложить цветы, омыть обелиск. А потом возвращалась – и увидела портфель. А вокруг никого совсем, то есть кладбище словно вымерло. Ты походила туда, походила сюда, а потом решила поглядеть, что там. А там рукопись в бутылке... То есть в папке. В папке ещё записка лежала, от руки написана. А в записке предупреждение – что эту книгу нельзя читать и всё такое прочее, что все восемнадцать человек, которые эту книгу прочитали, все они померли. Ясно?

– Да.

– Всё, это твоё первое задание.

– И всё? – удивилась Сомёнкова.

– Пока да.

– И как скоро? Ну, как быстро всё это случится? Когда Любка перепугается?

– Месяца полтора-два, не меньше.

– Не пойдёт, – помотала головой гостья. – Полтора месяца – слишком долго, у нас соревнования через месяц...

– Ах вот как оно! – рассмеялся Круглов. – Так, значит, всё гораздо прозаичнее. Я думал, ты пынешь праведным гневом, а ты всего-навсего вульгарно завидуешь. Это всё осложняет.

– Почему осложняет? – не поняла девушка.

– По банально-энергетическим причинам, – ответил он. – Мечь – очень сильное чувство, его разыграть легко. Энергетический потенциал зависти почти нулевой, если не отрицательный...

– Нет, я ей именно отомстить хочу! – возразила Сомёнкова. – Она меня... меня... А если она ещё в соревнованиях проиграет, то это ей очень не понравится! Очень! Я всё равно в тройку не войду, а Любка может и первое место занять. А соревнования через месяц как раз...

Витька задумался. Достал свечу, зажёл, по комнате поплыл запах воска.

– Месяц... Это, конечно, сложнее. Придётся проводить обряд.

– Ка-акой ещё обряд? – насторожилась девушка.

– Самый простой. Ты кровь сдавала?

– Да, все сдавали...

– Тогда не испугаешься. – Круглов подмигнул. – Надо немного, граммов пятьсот.

– Для чего? – Сомёнкова погладила предплечье.

– Я же тебе говорю – для обряда. Чтобы пугнуть твою Любку по полной, до ногтей чтобы пробрало. Разбудим властителя четырёх стихий...

– Какого ещё властителя?

– Того самого.

Она открыла рот.

Парень расхохотался.

– Тебя как зовут, кстати, Сомёнкова?

– Аня.

– Анна с Магадана, очень приятно. Так вот, Анна, в твоём возрасте пора понимать юмор. Никому не нужна твоя драгоценная кровь, это я так, в порядке нагнетания. Не переживай, ввергнем твою Любку, займёт пятое почётное место. Но твоя помощь всё равно понадобится.

Гостья кивнула.

Круглов вернулся к компьютеру.

– А ты кем хочешь быть? – спросила Аня. – Потом, после школы?

– Монстрологом, – ответил он.

– Это кто?

– Тот, кто ловит монстров. Видит – монстр – и ловит, видит и ловит, а потом им раз – и... Разбираюсь подручными средствами. Понятно?

– Понятно. А это? – Сомёнкова указала на стену. – Что за осьминог?

– Это не осьминог, дура, это Ктулху.

– Кто?

– Ктулху, демон вод. Ладно, тебе лучше не знать.

– Ничего картина, поганая...

Картина ей не то чтобы понравилась, скорее произвела впечатление. Напугала. Нарисовано было очень и очень. В мрачно-болотных, чрезвычайно депрессивных тонах. Вообще, сначала она не очень поняла, что на картине изображалось, какие-то горы, камни, огромные черви, кишасие в смрадных ямах, жирные глаза, похожие на озёра гноя, и перепончатые крылья, похожие на сгнившие паруса затонувших кораблей, в один момент зрение Сомёнковой расфокусировалось, и все эти детали сложились в картину ужасного существа, спящего на стенах чудовищного города, едва просматривавшегося сквозь толщу моря.

– А кто нарисовал?

– А, был один художник... Сейчас в твоей любимой психушке.

– Почему?

– Такие картины даром не рисуют.

– Ясно. А написано там что? Ктулху Р'льех вгах, нагл фхтагн... Что за бред?

– Перевожу для несведущих. Ктулху видит тебя, жалкая креветка. И в урочный час он наколет всех грешников на пронзительный шип и утащит в сумрачный город Р'льех, где они будут мучиться вечно. Примерно так. Но ты не об этом думай, ты пока книжку читай, а я распечатку приготовлю.

– Ясно...

Дурак, подумала Аня. Ну и пусть. Зато Любка перепугается.

– Ясно, – повторила она. – А вообще... Бука – это кто?

3. Влоор

– Так кто такой бука? – спросила Сомёнкова. – Нет, я понимаю, он под кроватью сидит...
– Под кроватью бабай, – поправил Круглов. – Бука – он везде. Но обычно он стоит у тебя за спиной. Поэтому, кстати, в Древнем мире не принято было резко оглядываться – чтобы не увидеть буку. Потому что если ты его увидишь – всё, смерть.

Они шагали по лесу. К дому Круглова, только дальней тропинкой, кружной, через лес.

– Ты книжку-то читала?

– Читала. Только там непонятно всё. Какие-то друиды, баньши, бука этот...

– Бука... – Витька покачал головой. – Вообще, это из кельтской мифологии происходит. Пёс, предвещающий смерть. Конечно, пёс в широком понимании.

– Как это?

– Так. Вот взять Цербера – вроде как пёс, но на самом деле скорее дракон. Так и бука. Он может совсем на собаку не походить, но так уж называют – пёс. Если, допустим, убивали кого-то из клана, а убийцу найти не удавалось, то клан шёл к ведьме. Ведьма требовала душу, а взамен отправляла по следу убийцы мстителя. Буку то есть. И он не останавливался, пока убийца не сходил с ума или не накладывал на себя руки.

– А что он делал? Ну, бука?

– Ну, в основном он просто выл под окном по ночам. Иногда громко, иногда тихо. А ещё он бродил.

– Бродил? – не поняла Сомёнкова.

– Ну да. Он преследовал... То есть иногда показывался, изводил, оставлял следы. И так до самого конца.

– А тот, кто хотел отомстить? – спросила Аня.

– Я же говорю, он отдавал душу. Всё просто.

Девушка поёжилась. Было холодно, на тропинке никого, кроме них, не было, сосны шумели неприветливо и по-зимнему. Вроде и жильё рядом, а местечко глухое.

– Когда там у вас соревнования, говоришь?

– Через месяц.

– Через месяц... Надо спешить, если через месяц.

Остановились на мостике. Круглов покачал перила, Сомёнкова испугалась, схватилась за кругловскую куртку.

– Спокойно, графиня! Берегите нервы, они вам ещё понадобятся. Принимайте женьшень с лимонником.

Справа хрустнули ветки. Аня вцепилась в руку своего спутника.

– Отпусти-ка, – шёпотом попросил он. – Ты мне прямо ногтями впила, всю кожу ободрала...

– Там собака! – испуганно прошептала Сомёнкова.

– И что? Тут полно собак, здесь кладбище недалеко.

– Что они на кладбище делают?

– Как – что? – Круглов осторожно убрал её руку. – Понятно что, могилы раскапывают. Сейчас копатели ленивые пошли, лодыри страшные, работать не любят. Могилы неглубокие роют, особенно за муниципальный счёт. Опять же за муниципальный счёт гробов не полагаются, закапывают в пластиковых мешках...

Аня побледнела.

– Ты хочешь сказать, что эти собаки питаются... мертвецами? – почти всхлипнула она.

– Можно сказать и так, – задумчиво кивнул парень. – Впрочем, все так или иначе питаются мертвецами. Человеческий вид за всю свою историю насчитывал примерно сто миллиардов особей. То есть мертвецы, собственно, везде. Прах к праху, как говорится.

Сомёнкова боязливо огляделась.

– Шучу, – сказал Круглов. – Шучу. Нет на кладбище никаких собак...

– Но я же только что видела!

Он помотал головой.

– Это енот, – сказал он. – Тут енотов полно. Ты книжку читаешь?

– Читаю.

– Объект проявляет интерес?

– Вроде да...

– Что значит – вроде? – спросил Витька.

– Ну, я как бы случайно оставила в раздевалке, а она разглядывала. А я у неё отобрала, сказала, что лучше это не читать...

– Молодец! – похвалил Круглов. – Ты не безнадёжна. Первый шаг сделан, поздравляю. Теперь ты должна книжку забыть... Кстати, ты восклицательные знаки красной ручкой делала? На полях?

– Делала...

– Отлично. Теперь это.

Круглов достал булавку, зажигалку, красную пластиковую ручку. Чиркнул зажигалкой, поднёс огонь к ручке. Пластик вспучился, почернел и стал лопаться неопрятными бордовыми пузырями. Парень выключил зажигалку, взял булавку, погрузил круглый конец в пластик, повращал. Извлёк булавку из расплавленной пластмассы, подул на неё. Пластик застыл, получилось похоже на косматую чёрно-красную голову. Довольно неприятную. Круглов уронил булавку под ноги, в песок и мусор, немного потоптал её носком ботинка. К чёрно-красному цвету добавился песок, грязь и непонятные ворсины, то ли чья-то шерсть, то ли перепревшая трава.

– И что это? – спросила Сомёнкова.

– А фиг его знает... Выглядит погано, а?

– Погано... Омерзительно просто.

– Вот и Любка так подумает. Решит, что это сглаз... Похоже ведь, а?

– Я не знаю...

– А она знает. Держи. Потом, когда она прочитает книгу, ты воткнёшь булавку в дверцу её шкафчика.

– Зачем?

– Да просто всё. Я же тебе говорил – все сплетницы верят в сглаз. Она увидит эту булавку и начнёт думать, что её кто-то смалевать хочет... Ну, заколдовать то есть.

Круглов поместил булавку в спичечный коробок, сунул его Ане.

– Не потеряй.

– Ладно... Что дальше-то?

– Наше приключение вступает во вторую стадию, – пояснил её спутник. – Эксперимент один надо произвести...

– Какой? – Сомёнкова на всякий случай нащупала в кармане перцовый баллончик.

Витька ухмыльнулся.

– Баллончиком надо уметь пользоваться, – сказал он. – А ты его с предохранителя снять забыла.

Аня вынула своё оружие из кармана.

Круглов незаметным движением выхватил баллончик и направил его на неё. Девушка отступила, зажмурилась.

– Глупо покупать оружие, если не умеешь его применять, – изрёк он. – Завела пистолет – учись стрелять. Купила слезогон – учись брызгать. Иначе тебе же будет хуже. Тебя твоим баллончиком и обезвредят. Лови.

Сомёнкова открыла глаза. Круглов вернул ей баллончик.

– Послушай, Анна с Магадана, ты что такая перепуганная, а?

– Не знаю...

– Не бойся – я с тобой. А эксперимент сугубо безвредный – мы музыку немного послушаем. Ты любишь музыку?

– Да... То есть нет...

– Вот и отлично!

Он подхватил девушку под руку и пошагал прочь с мостика.

Шагал он быстро и целеустремлённо, Сомёнкова за ним не успевала – мешали каблук и слишком узкое пальто, получалось, что Круглов её почти волок. Где-то через полкилометра он вдруг резко свернул в лес и пошёл напрямик, Аня завязла и стала злобно пых- теть.

– Застряла? – спросил Витька.

Она злобно фыркнула.

– Понятно, – сказал он. – Стой, не шевелись.

– Я думала, мы как тогда пойдём...

Круглов приблизился, посмотрел на её туфельки и неожиданно подхватил её на плечо.

– Ты чего?!

– Килограммов сто, – крикнул он. – Сразу чувствуется спортсменка. Не дёргайся, а то рухнем в канаву.

Сомёнкова замерла. Круглов тащил её через лес и читал лекцию о мести с примерами из мировой истории и мировой же литературы. Она слушала. В принципе она была с ним согласна: месть – это нехорошо. Даже очень плохо. Месть разлагает душу, и прочее и прочее. И она готова была простить Любку...

Если бы не одно но.

– Вот и пришли уже, – сказал парень и поставил Аню на землю.

То есть на асфальт.

Они стояли возле двери в сплошном кирпичном заборе.

– Задняя дверь, – пояснил Круглов. – Калитка, ведущая на торфяные болота, стучать три раза.

Но сам он стучать не стал, воспользовался ключом.

От задней калитки к дому вела галерея, крытая пластиком и увитая высохшим коричневым плющом.

– Здорово, – сказала девушка. – Тоннель настоящий...

– Тут ещё подземный ход вроде как имеется, – сообщил её спутник. – Зброшенный. Раньше тут была барская усадьба, от неё ещё остался. Но туда мы не полезем.

– И на том спасибо, – вздохнула Сомёнкова.

Они вошли в дом и сразу поднялись вверх, в комнату Круглова.

– Надо кое-что послушать...

Витька устроился за компьютером, покопался в папках и запустил проигрыватель. По углам комнаты зашуршало, помещение словно наполнилось неожиданным объёмом, Аня вдруг почувствовала себя как в концертном зале.

– Это хай-энд-система, – пояснил парень. – Полный эффект присутствия. Пока послушай, а я схожу за чаем. Ты чай будешь?

– Буду.

– Вот и отлично. Я скоро.

Круглов запустил воспроизведение и удалился, Сомёнкова осталась одна.

Она устроилась поудобнее в кресле, стала слушать. Ничего. Потрескивание и похрустывание. Девушка начала подозревать, что это очередная шутка Круглова, оставил её послушать скрип, а сам стоит за дверью и ржёт. Анна попробовала подняться из кресла, но тут она услышала, то есть скорее почувствовала – по коже побежали мурашки. Сомёнкова решила, что это сквозняк, и попробовала поплотнее закутаться в плащ, не помогло – мурашки становились всё крупнее и крупнее, размером с пшено. Холодно... С чего это вдруг холодно?..

И никакого звука. Но в комнате что-то появилось, девушка чувствовала это вполне определённо. Нечто постороннее.

– Круглов... – негромко позвала Аня, – выходи. Ладно уже...

Звук.

Он появился где-то под диваном. Низкая неприятная вибрация, она поползла по полу, собралась в плотные сгустки и прорезалась протяжным дребезжащим гулом, который почти сразу же перешёл в рёв.

Сомёнкова почувствовала, как зашевелились волосы на голове. Потому что это...

Не рёв всё-таки, вой. Мычание... Или ворчание... Волки, соскучившиеся по свежей крови, по тёплому мясу, стая. Целая стая, небольшая такая, в полтора миллиона. И все эти волки выли в один голос и в одну сторону. В сторону Ани.

И с каждой секундой вой становился всё громче, и громче, и громче, и...

Девушка вскочила и кинулась к двери. Она не могла находиться с этим звуком в одном объёме, надо было бежать. Прочь, выскочить, пробиться... Сомёнкова ухватила за ручку и стала дёргать. Изо всех сил. Сломала ноготь, почти не заметила, дёргала...

Дверь отворилась. С другой стороны на пороге стоял Круглов. С подносом, на котором дымились чайные кружки.

– Что с тобой? – спросил он. – Испугалась?

– Тут душно... – Она попыталась расстегнуть пальто. – Жарко... Я дверь хотела открыть.

– Тут открыто, – сказал он. – Надо не тянуть, а толкать... Ты что, испугалась?

Аня успокоилась. То есть попыталась. Звук исчез. Оборвался, растворился, может, его и не было совсем...

– Подействовало? – спросил Витька.

– Кажется... Что это? Что это было? – прошептала она.

– Влоор.

– Блуп?

– Блуп. В две тысячи восьмом американская атомная подлодка зафиксировала в южных районах Тихого океана этот звук. Предположили, что это большое стадо китов, решили подойти поближе. Однако чем больше сокращалось расстояние, тем более странные вещи начинали происходить. Капитан успел передать сам звук, а также сообщение о том, что на борту лодки вспыхнул мятеж, что матросы убивают друг друга. А потом связь с лодкой была потеряна, и лодку эту никогда не нашли.

– Совсем? – спросила Аня.

– Совсем. Звук проанализировали на суперкомпьютерах НАТО.

– И что?

– Выяснилось, что это не стадо китов. Уже первичный анализ показал, что звук испускало одно существо.

– Какое?

Круглов промолчал.

– Вообще, страшно... – вздохнула Сомёнкова. – А где ты его раздобыл? В Интернете?

– В Интернете полно подделок. То есть там все эти звуки, только они ненастоящие...

Этот настоящий. Понравилось?

– Не-ет...

- И Любке тоже не понравится. Где она живёт?
- В Бухарове...
- В двухэтажках? – воодушевился парень.
- Ну да, там... А что?
- Знаешь, Сомёнкова, это даже неинтересно. Всё просто само в руки идёт, без всяких усилий. В двухэтажках? Это в тех, что жёлтого цвета, на отшибе ещё стоят?
- Ага.
- Прекрасно. И на первом этаже, конечно же?
- На первом, да...
- Чудеса случаются. Радуйся, зловещая девушка, к нужному сроку твоя Любка будет лечит нервы гомеопатическими средствами. А пока начинаем действовать. Завтра я собираюсь как раз... Завтра.
- Может, расскажешь? – спросила Аня. – Ну, про свой план? Там ничего противозаконного нет?
- Нет, конечно. Мой план... Мой план, знаешь ли, гениален.

4. Бухарово

В три позвонила Сомёнкова.

– Роман дочитан, – сказала она и отключилась.

Круглов начал действовать. Зарядил плеер Блупом, подготовил систему. Два динамика и сабвуфер. Резиновые перчатки, бутылку чёрных чернил для принтера. Погрузил всё это на скутеретту, пылившуюся в гараже. Достал из подвала кресло-палатку. В прошлом году они собирались на рафтинг. Полярный Урал, чёрная смородина, москитос... Но у отца случился новый объект, и снаряжение не пригодилось. А сейчас пригодилось. Круглов сложил кресло, на шею привесил бинокль. На бок – термос, в термос – какао. Рюкзак ещё, не очень большой, средней вместимости, в него уложил пугальное оборудование.

Собравшись, он закрылся у себя в комнате, лёг спать и проспал около трёх часов. Ровно в семь, когда на улице уже почти полностью стемнело, отправился в путь. Долго вилял по городу, а потом и по пригородам, пробирался вдоль гаражей, расположенных возле железной дороги, затем по лесным тропинкам. Остановился в километре от Бухарова, спрятал скутеретту – предварительно сняв аккумулятор, уложил машину на бок, накрыл маскировочной сеткой, затем засыпал листьями. Уложил батарею в рюкзак и отправился к Бухарову.

К Бухарову оказалось пробраться не так уж и просто, Круглов два раза наткнулся на ручей и пруд, но к жёлтым домам всё-таки выбрался – благодаря навигатору в телефоне.

Посёлок просматривался хорошо, в двухэтажках горели жёлтые фонари и синие экраны телевизоров, он отыскал дом № 24, вторую квартиру, и стал наблюдать. Ничего интересного, шторы. На кухне дородная женщина жарила картошку, вряд ли это Любка, наверное, её мать. Самой Любки не видно, однако в крайней комнате горел свет и по шторам бродили тени.

Витька достал из рюкзака игрушечный пневматический винчестер, бьющий пластиковыми чёрными шариками. Начал стрелять. Было далеко, почти двести метров, приходилось стрелять по дуге.

Попал с восемнадцатого раза. Шарик дзинькнул по стеклу. Ничего, к окну никто не подошёл. Круглов был терпелив, он зарядил в винчестер ещё сорок шариков и продолжил обстрел. В этот раз он стрелял более метко, следующая пулька щёлкнула по стеклу уже через пару минут.

Шторы откинулись, и на фоне окна показалась девушка. С косой. Любка – Круглов опознал её по фотографии. Она прилипла к стеклу, сделала ладонями домик, стала вглядываться во мрак. Смотрела долго, но так ничего и не высмотрела, задёрнула шторы, парень убедился, что Любка живёт в этой самой крайней комнате.

Оставалось ждать. Круглов был терпелив, он накрылся палаткой, устроился поудобнее в раскладном кресле, вытянул ноги. У него имелся вполне сложившийся план, простой, но, как он предполагал, эффективный, рассчитанный примерно на две-три недели. В конце третьей недели он собирался поставить жирную точку, для чего требовалось организовать некое драматическое представление, впрочем, об этом он собирался подумать позже.

Час, два, три, примерно в одиннадцать Любка выключила свет – спортивный режим. Ещё через полчаса свет погас уже во всей квартире. Круглов размял затёкшие ноги, сложил кресло, убрал всё в рюкзак и направился к рыжему дому. Перед домом оказались грядки, и парень немного завяз в ботве и упал, воткнувшись в гнилую тыкву. Ничего.

Дальше он действовал просто. Достал аккумулятор, подсоединил к нему крокодилы трансформатора и через него плеер. Динамики прикрепил струбциной к жестяному подоконнику, сабфувер приставил к стеклу, зафиксировал двумя присосками. Нажал на воспроизведение. Теперь следовало действовать быстро и аккуратно. Натянул на руку резиновую хозяйственную перчатку, капнул на неё краски для принтера, размазал её по резине и приложил к

стене под окном, отведя в сторону большой палец. На жёлтой штукатурке остался четырёхпальный отпечаток, вниз потекли угрожающие чёрные капли.

Круглов с хлопанием стянул перчатку, спрятал в пакет. Добавил громкости на плеере. Завыли собаки в соседнем доме, сразу несколько.

В квартире что-то упало, тяжёлое и стеклянное, похоже, аквариум. Закричали. И ещё что-то опрокинулось, теперь уже глухо, как полка с книгами. Круглов выключил плеер, быстро покидал в рюкзак батарею и динамики и рванул через огороды к лесу. Добежал до кустов и обернулся. Свет горел во всём доме. Перед окнами мелькали тени, кто-то кричал, кто-то ругался, возле окна своей комнаты стояла Любка и опять вглядывалась в ночь, он ясно разглядел её почему-то чуть желтоватое круглое лицо.

Витька довольно ухмыльнулся, вытянул из кармана телефон, запустил навигатор и отправился к скутеретте. Он с изрядным трудом преодолел пятьсот метров по ночному лесу, не спеша, стараясь не запнуться и не сломать ногу, перебрался через ручьи и низины и вышел к точке, где оставил мопед...

Машины не было. Круглов огляделся. Ночной лес был удручающе однообразен, навигатор указывал точку с разбросом в три метра, парень облазил эти три метра и ничего не нашёл. Сверился с навигатором ещё раз. Ошибки не было. И скутеретты не было тоже. Светила луна, лес достаточно свободный, не густой, видно метров на двадцать.

Круглов почувствовал раздражение, выходить из лесу пешком не очень хотелось, да и вообще... Чертовщина какая-то. Он поглядел в небо. Небо как небо, тёмное, звёзд немного, скорее всего из-за луны, которая светила слишком ярко, спутников не видно, но они где-то там есть, висят над закисшей атмосферой. Сбой навигатора. Круглов решил перезагрузить смартфон, нажал на кнопку сбоку, аппарат выключился, а обратно уже не включился.

Батарея села. Сразу и вдруг. Хотя Витька предупредительно зарядил её ещё с утра. Он потряс аппарат, осторожно постучал его о ногу. Бесполезно, экран оставался тёмным.

Круглов хмыкнул. Получалось весело – он оказался один в ночном лесу. С аккумулятором, плеером и динамиками, с пластиковым ружьём в качестве самозащиты. Смешно.

– Я очень разочарован, – сказал Круглов. – Я очень разочарован продукцией яблочной компании. И если сейчас эта продукция не придёт в себя, я хлопну её о ближайший дуб! Или о сосну!

Когда отказывал очередной технический гаджет, он не спешил тащить его в ремонт. Он доставал аппарат и начинал его ругать. Надо было делать это максимально искренне и зло, и очень часто это имело эффект – техника просыпалась.

Сейчас приём не сработал, смартфон не запустился.

– Вышвырну к чёртовой матери! – пообещал парень. – Прямо сейчас!

Коммуникатор оказался упорнее, Круглов вздохнул, спрятал прибор в карман. Из леса придётся выбираться вслепую.

– Ладно, – сказал парень. – Тогда пойдём сами.

Он поправил рюкзак и двинулся налево. Хотя вполне мог пойти и направо.

Попробовал ориентироваться по луне, но очень быстро пришёл к выводу, что на луну надеяться нельзя – она то и дело пропадала за верхушками деревьев и за облаками, а то и вовсе исчезала, вдруг, без предупреждения. Боялся он не очень, особо теряться здесь было негде, куда ни иди, выбредешь к железной дороге, или к обычной дороге, или к посёлку, просто не очень хотелось бродить до утра по лесу. И ночевать не хотелось...

Хрустнула ветка.

Круглов остановился.

Он прекрасно знал, что ночной лес наполнен разными звуками, что бояться этого особо не стоит – ветки могут хрустеть и сами по себе, шишки могут падать...

Ещё.

И этот хруст Круглову уже не понравился. Потому что он походил на шаг.

Шагать может кто угодно, тут же подумал Круглов. Особенно в ночном лесу. Ёж. Лиса. Енот, еноты тут вполне могут бродить. Или собака одичавшая, динго какое...

Ещё шаг.

Круглов остановился. Сердце билось громко, мешало прислушаться по-хорошему, почти минуту он утихомиривал его, а потом... Потом он услышал тишину. Лес не звучал. То есть никак вообще, точно его сверху накрыли ватой.

– Эй! – позвал Круглов.

Никто не ответил.

– Ладно... – сказал Круглов и двинулся дальше.

Шаг. Другой. Третий. За ним явно кто-то следил.

Круглов резко обернулся.

Глаза. Красные. Кто-то стоял в нескольких метрах от него, в тени широкой разлапистой ели.

Вздых. Печальный и протяжный, совсем рядом, только руку протянуть.

Глаза медленно растворились. Показалось... Точно, показалось. Темнота, воображение разыгралось, Круглов сдержал желание сорваться и дёрнуть через лес...

«Он этого только и хочет. Чтобы я побежал. Я сорвусь, а он за мной. Будет скользить рядом до тех пор, пока я не запнусь и не поломаю ноги. Тогда он со мной разберётся без всяких проблем. Он – кто?»

Волк. Лето было не очень сытное, волки показались...

Если волк, почему тогда красные? Медведь тогда? Нельзя стоять, надо уходить...»

Круглов попробовал шагнуть. Ноги вросли, Круглову даже показалось, что он провалился в густую вязкую глину, он попробовал пошевелить пальцами – они шевелились, а ноги вот не двигались.

Ещё вздох. Это страх. Страх, от страха люди сходят с ума, от него они и гибнут. Круглов попытался взять себя в руки. Никого. Он оторвал правую ногу и сделал шаг.

Вздых. Рядом, за деревьями.

Круглов сдвинул левую ногу. Под коленками задёргался нерв. Круглов собрался и пошагал вперёд. Куда-то, может быть, кстати, и назад. Надо было идти, не останавливаться, ни в коем случае не останавливаться, идти хоть куда-то. Преследователь не отставал. Шаги были странные, очень и очень. Неравномерные. Несколько шагов – тихо, ещё несколько шагов – и снова тихо. То справа, то слева, то шаг, то два...

Вздохнули почти над самым ухом.

Витька не выдержал. Он на ходу достал из рюкзака аккумулятор, сам рюкзак отбросил в сторону и побежал. Быстро, как только мог, захлёбываясь холодным ночным воздухом, вляпываясь лицом в липкие паутины, проваливаясь в ямы, наткаясь на ветки. Шагов он не слышал, но почему-то ему казалось, что они не отстали.

Конечно же, он упал. Запнулся за твёрдое, полетел, выронив аккумулятор, запутался в сетке, в лицо ударило что-то твёрдое и мягкое одновременно, левый глаз мгновенно заплыл. Круглов замер. Он ждал, что будет делать преследователь.

Слушал. Прикинуться мёртвым вряд ли получится, закричать, что ли... Говорят, крик иногда этих отпугивает. Надо было перечный баллончик у Сомёнковой забрать, зачем ей баллончик, она-то по лесу не бродит...

Ничего. Никаких шагов. Ничего, ничего, ничего. Круглов пролежал почти пять минут и только потом обнаружил, что лежит на чём-то железном. Он принялся ощупывать это железо и почти сразу узнал свою скутеретту. И сеть, которой он её накрыл. Вот как. Он понёсся через лес наугад и наткнулся на свой собственный мопед.

Повезло, чёрт побери...

Круглов попытался открыть левый глаз. Мог бы и не стараться, глаз не открывался, на лице налилась гуля размером с кулак, парень пошевелил глазом внутри этой гули и пришёл к выводу, что тот вроде бы цел. На небе опять прорезалась луна, она стала как-то ближе, висела прямо над головой, освещала лес бледно-поганочным светом.

Круглов стал выпутываться из сетки. Оказалось, что сделать это не так уж и просто – он извалялся в сыром мхе и едва не отрезал ухо леской, из которой сеть была сплетена. В конце концов всё-таки выбрался, мокрый, усталый и злой. Отыскал аккумулятор, установил его в скутеретту, включил зажигание, загорелась фара. Прямо перед ним метрах в десяти темнела корявая тень, левая рука длиннее правой, и когти почти до земли, длинные, похожие на сабли...

Чёрт!

Эффект одежды на стуле, сразу же вспомнил Круглов. Чаще всего людей пугает собственная одежда, брошенная на стул или на кресло, в полумраке она принимает образы самых пугающих существ. Это не фигура, это просто... ёлка. Именно ёлка и ничего больше.

Круглов пригляделся.

На самом деле ёлка. Стало немного стыдно. Герой, ничего не скажешь. Скорее всего, испугался звука собственных шагов, испугался эха, стука собственного сердца, куска смолы, отразившего лунный свет и преломившего его в красный. Да, случай клинический, из серии «не рой другому яму, сам в ней обязательно увязнешь». Смешно.

Круглов засмеялся. Смех в ночном лесу прозвучал странно и страшно, так могли смеяться зубастые клоуны...

Всё!

Он притопнул ногой, постарался собрать разбегающиеся мысли. Надо перестать себя накручивать, надо успокоиться, завести скутеретту и домой...

Круглов устроился в седле, развернулся в сторону тропинки, воткнул первую передачу, прибавил газу. Поехали.

Он вернулся домой уже за полночь, поставил скутеретту в гараж, забрался к себе в комнату. Болела голова, болел глаз, парень поглядел в зеркало и пришёл к выводу, что с такой штукой в школу он завтра не ходок, на пару дней из стройных учебных рядов точно выпал. Может, и дольше. Ладно... Рассудив, что утро вечера мудренее, он прыгнул в диван, закутался пледом и попытался уснуть.

Сначала Круглов пытался уснуть, просто закрыв глаза и подумав о звездолётах. Это действовало почти всегда, с гарантией, он представлял себя внутри капсулы, путешествующей от звезды к звезде. Вокруг вакуум, жёсткие излучения, а ему хорошо, и тепло, и подушки есть, и... Обычно в этом месте он засыпал.

Если не помогали звездолёты, Витька прибегал к способу, проверенному столетиями, – считал овец. Сегодня звездолётная тема почему-то не сыграла, и он решил считать овец.

Но овцы тоже поспособствовали мало, Круглов задействовал другое средство – стал ругать Сомёнкову. Можно, в принципе, ругать любого знакомого, главное, делать это лениво и без особой страсти – не так, как технику, и тогда почти наверняка скоро тебе станет так смертельно скучно, что ты уснёшь.

Сомёнкову ругать оказалось приятно. Он придумывал для Ани необходимые прозвища, как правило, связанные с её увлечением коньками. Чучундра на льду, Коньковая змея и всё в том же духе. Этот способ оказался самым эффективным. Помогло. Круглов начал проваливаться в дрему, чувствовать, как расслабляются ноги...

И вдруг увидел кровь. Она медленно стекала по стене, по мере выпитывания в обои разворачивалась широким, похожим на ладонь веером. Пятернёй. И эта пятерня тянулась к Круглову.

5. Попал под лошадь

Пятерня тянулась к нему. Из пальцев вырывались нетерпеливые кровавые отростки, они торопливо сбежали по обоям, между цветков, корабликов и медвежат, они...

Круглов заорал, свалился с дивана, перекатился в центр комнаты. На голову капнуло тёплое. Он заорал снова, стёр, на ладони остались красные разводы. Откуда-то брызнули искры. Витька огляделся. Кровь стекала по всем стенам.

Голова отяжелела, пальцы затряслись, ужас залил мысли густой чернотой. Круглов выскочил из кровати и с разбегу ударил в дверь. Она оказалась незапертой, он вылетел на лестницу, поскользнулся и с размаху съехал по ступеням. *Бум*, темно.

Круглов очнулся. Он лежал в холле на диване, ноги были задраны на спинку, к голове приложен пакет с мороженой фасолью. Рядом стоял отец и курил. С потолка капало красное. Было светло, то есть лампы горели. На противоположном диване сидела мать с Федулом на руках. Федул грыз яблоко и выглядел довольным. Стены гостиной были покрыты мутными бордовыми потёками.

– Очнулся вроде, – сказал отец. – Молодец. Так головой приложиться. И фингал... Болит?

– Кровь... – прошептал Круглов.

Отец поглядел на потолок.

– Какая ещё кровь. Как маленький, честное слово... Надо меньше всякой лабуды читать, тогда и мерещиться не будет. На чердаке труба лопнула. А там у меня мешок мареновой краски с ремонта оставался, вот тебе и кровь. Весь дом теперь в разводах. Ремонт можно заново начинать.

– Только не сейчас, – помотала головой мать. – Я от предыдущего ещё не отошла, а ты опять хочешь. Давай просто просушим.

– А это? – отец указал на стены.

– Пусть. До лета потерпим...

Круглов пощупал голову.

– Приложился, – кивнул отец. – Ну-ка, следи за моим пальцем!

Отец принялся двигать пальцем, справа налево, слева направо, парень ворочал глазами.

– Тошнит? – спросил отец.

– Нет.

– Значит, всё в порядке, сотрясения нет. У тебя такая же крепкая, как у меня, голова. А у нас тут, как видишь, море.

Отец обвёл взглядом холл. Круглов оглядел гостиную вслед за ним. С потолка крупными каплями капала вода. В тазы, в вёдра, в стаканы, в вазы, в банки. Неприятного красного цвета. Она растекалась и по стенам, сочилась по обоям тоненькими бордовыми ручейками, и на полу тоже, поверх японского паркета бродили волны, плавал мусор, тарелки и другие мелкие предметы.

– На чердаке вообще чуть ли не полметра, – сказал отец. – Надо насос покупать, откачивать. Или само стечёт, а?

– Знаешь, у нас дети, – напомнила мать. – А здесь такая влажность, что волосы уже сушить надо. Так что поедешь покупать.

Круглов сел.

– Весь дом залило, что ли? – спросил он, потрогал глаз: вроде чуть лучше.

– Весь, – сказал с каким-то удовольствием отец. – У нас раньше такое часто случалось, когда мы в коммуналке жили. Здорово так – затопит, а ты сидишь на диване весь день и в школу не идёшь, потому что зима, а обувь вся промокла и замёрзла. В туалет на бабушке ездил, на закорках...

Отец развспоминался о детстве, когда мороженое было сладким, пепси-кола настоящей, а Новый год праздником.

– Этот потоп нам ещё аукнется, – сказала мать. – У Феди в комнате все игрушки отсырели, придётся выкидывать.

– Да, много придётся выкидывать, хорошо хоть мебель удалось спасти...

Они стали обсуждать грядущий ремонт, и Круглов отметил, что мать тоже довольна – теперь у неё есть занятие на год вперёд: четыре месяца планировать ремонт в деталях, обсуждать дизайн с тётёй Розой и с бабушкой из Новосибирска, четыре месяца на закупку, четыре – на сам ремонт, вот оно, счастье.

Федул свесился из коляски и принялся гонять половником по воде миску.

– Я пойду спать, пожалуй, – сказал Круглов. – Что-то я... Голова у меня... Болит.

Мать быстро сбегала на кухню, принесла пакет замороженного горошка на смену фасоли, положила ему на голову.

– Спасибо, ма.

Он поднялся к себе.

Сыро и холодно. Система отопления отключилась плюс влажность. Хорошо, есть буржуйка. На буржуйке настоял сам Круглов, хотя отец и мать были очень против и сдались лишь после того, как он собственноручно выложил угол комнаты силикатным кирпичом.

Витька подтащил кресло поближе к буржуйке, закинул внутрь пару поленьев и полил жидким парафином, кинул охотничью спичку. Загорелось почти сразу. Он устроился в кресле, зевнул.

От печки распространялось тепло, Круглов вытянул ноги и расположил их на кирпичках. Немного болела голова, ныли ноги. Протянул руку, снял с печки жестяную банку с солёными орешками. Стал грызть.

Потоп не очень ко времени, он сегодня собирался как раз перейти ко второй фазе и уже наметил действия... А теперь сидел возле печки и чувствовал, что ему совсем ничего не хочется. Да, болела голова, и Круглов вдруг подумал, что зря он связался с этой Сомёнковой. Толку от неё никакого, а ему возни вагон, по лесам бегать с аккумулятором, удовольствие не из первых. Хотя он слово дал, теперь отказываться неудобно, всё, последний раз с бабами связывается, они друг друга ненавидят, а он мучайся...

Тепло постепенно растекалось от ног выше, Круглов кутался в плед, шевелил пальцами, ощупывал ими кирпичи. Размокшие стены парили клеем, от которого першило в горле и хотелось пить.

Вообще, эта Любка должна была уже испугаться, во всяком случае, задуматься точно. Теперь оставалось подтолкнуть, и на коньках в ближайший месяц Любка станет неровно стоять...

Отклеился канделябр, грохнулся на середину комнаты, Круглов не стал оглядываться, ну канделябр, ну ладно. Одним разрушением больше, одним меньше, вон, картину с Ктулху залило красным, а это произведение искусства, между прочим... Хотя она стала, пожалуй, лучше. Зловещей. А вообще, комната пострадала, конечно. Все эти пятна по стенам...

«Не буду чинить, – решил парень. – Пусть всё так и останется, в разрухе. Надо только обои ободрать, стану жить в первобытности. Печка, дрова, примус заведу. Хорошая, кстати, идея с печкой была...»

Проснулся Круглов от плача. Орал Федул. Вообще-то за год Круглов уже успел привыкнуть к Федулу, к его крикам и капризам, однако так брат не орал уже давно. Собственно, он даже не орал, а рывкал. Так было один раз – когда Федул умудрился опрокинуть на себя кружку чая, а сейчас-то что?

Парень выбрался из кресла и направился в детскую.

По коридору прошлёпал отец с бутылкой молока.

– Что случилось? – спросил Круглов.

Отец не ответил, пробежал до конца коридора и нырнул в детскую.

Круглов подошёл к двери с зайчиком, заглянул. Мама бродила по комнате с Федулом на руках, покачивала его, потряхивала, что-то напевала. А Федул орал.

Громко так, у Круглова зазвенело в ушах, звук проскочил из правого в левое, отдался в зубах. Брат извивался, как большая рыба, мать его с трудом удерживала, отдала отцу, сама выскочила из комнаты. Выглядела она страшно, видимо, тоже не спала целую ночь.

– Что? – спросил Круглов во второй раз.

– Не знаю... Как с цепи сорвался... Мы решили вызвать «Скорую». Ты как себя чувствуешь? Как голова? Как глаз?

– Нормально... Шумит только, кажется, в ухе...

– В школу не ходи, – разрешила мать. – Я потом позвоню.

Хоть что-то хорошее.

Он вернулся к себе. Из-за леса вытягивался рассвет, комната приобретала апельсиновый цвет, Федул продолжал орать. Круглов надел наушники. И вдруг понял, что музыки никакой не хочется. Тишины бы.

Он попробовал лечь в кровать, но оказалось, что лечь туда невозможно: и матрас, и бельё, и подушки с одеялами – всё пропиталось водой. Парень попробовал снова устроиться у печки, но не получилось, сиделось как-то не так, неудобно. И он принялся бродить по комнате, скрипя ламинатом и выдавливая из-под пластин красные пузыри. Хотелось, чтобы как-то начала работать голова, но она не работала, только гудела и свистела, и удивительным образом горели уши.

В восемь утра приехала «Скорая». Круглов увидел из окна, как отец несёт к машине завёрнутого в одеяла брата. Тот продолжал кричать, горло только у него село, и крик больше походил на хрип. В больницу они поехали вместе – отец, мать и Федька.

Круглов остался один. Захотелось есть, он спустился на первый этаж, заглянул на кухню, решил сделать яичницу. Поставил на газ сковородку, расплавил масло, открыл ячейку. Мама учила яйца мыть во избежание сальмонеллёза, но Круглов инфекции не боялся, достал три штуки, стал рубить ножом. Первые два расплылись и зашипели на сковороде оранжевыми солнышками, третье выпало между ними кровавой кляксой.

Парень поморщился.

Красный сгусток вспучился на сковородке, лопнул, забрызгав всё вокруг густыми бордовыми каплями. Круглов ругнулся и выкинул яичницу в мусор. Вместе со сковородкой. Аппетит испортился. Он достал из холодильника банку газировки, выпил залпом. Воняло почему-то тухлятиной, Круглов бродил по дому и пытался понять, что и где. Но вонь распространялась равномерно, источник не обнаруживался.

В конце концов парень начал подозревать, что воняет он сам. Ночью вляпался в лесу в какую-то пакость, не заметил, пакость замёрзла, а теперь вот оттаяла и завоняла. Круглов отправился в ванную и с разочарованием обнаружил, что помыться нельзя – горячая вода отключена во всём доме, а холодная была настолько холодна, что даже руки помыться не получилось. Можно, конечно, нагреть на газу кастрюлю, но это было как-то дико, да и лень. Тогда он плюнул и решил, что ничего, пусть он будет вонять. Все люди, в сущности, вонючи, одни больше, другие меньше. Он будет чуть больше, ничего страшного.

Плохо только, что уехали все, как-то слишком пусто сделалось.

Круглов вздохнул и позвонил Сомёнковой, назначил встречу там же, в парке. В пять часов, как раз после тренировки. Она сказала, что постарается. До пяти оставалось много времени, находиться в затопленном доме было невыносимо, и Витька решил погулять по городу. Поехал в центр, к архитектуре – он уже давно заметил, что архитектура успокаивает, особенно в монументальных её проявлениях. К сожалению, ничего категорически монументального в городе не было, немного отвечал требованиям оперный театр, построенный после войны, и

Дом культуры железнодорожников, построенный ещё до. Круглов вышел возле ДКЖ, прогулялся вокруг и двинулся в сторону театра. По пути заглянул в старую «Лакомку» и пообедал пирожными «шу», запил двумя стаканами кофе.

Настроение немного улучшилось, подбодрённый, он двинулся дальше. На другой стороне улицы желтело областное училище культуры. Это заведение Круглов любил особо, здание было построено давно и успело изрядно врасти в землю, так что окна первого этажа находились почти вровень с тротуаром. Он обожал подходить к окну, прилипать к стеклу, так чтобы лицо расплющивалось о стекло погаже, и пялиться.

Очень скоро музыканты сбивались и начинали смотреть на него. Музыка ломалась.

Если настроение было совсем уж плохое и если композиторы не реагировали, парень прибегал к проверенному способу – извлекал из кармана кусочек пенопласта и медленно водил им по стеклу. Звук получался восхитительный, тонкий слух музыкантов расстраивался, они начинали фальшивить и нервничать, педагоги приходили в ужас и начинали орать. Настроение расцветало.

Впрочем, можно было и не вредничать, смотреть на воспитанников и без того забавно – все выглядели слишком уж одухотворённо и играли слишком уж плохо.

Сегодня музыкантов почему-то не наблюдалось, Круглов шагал вдоль окон, но ни за роялями, ни за арфами, ни за баянами никто не сидел. Зато со второго этажа доносилось что-то странное, оркестр заунывно играл не менее заунывную музыку. И тревожную ещё, от которой хотелось бежать.

Круглов проследовал мимо училища к небольшому скверу, остановился возле фонтана. Музыка не давала покоя, почему-то хотелось послушать её ещё. Что-то в ней...

Он не вытерпел и вернулся к обители муз. Оркестр продолжал играть, и вдруг Круглов узнал, что это за музыка.

Реквием.

Ну да, тот самый, Моцарта, Круглов прекрасно помнил «Амадея» и чем всё там закончилось.

Играли, правда, не очень хорошо, спотыкачно, но всё равно.

Настроение расстроилось окончательно, парень шагал к месту встречи с Сомёнковой, а в башке у него гремела зауспокойная месса, и скверное исполнение каким-то образом усиливало её воздействие. От этого любоваться театром оперы расхотелось, да и не получилось бы – он оказался погружён в состояние реставрации. Круглов купил мороженое и направился к парку.

Пломбир попался хороший, даже неожиданно хороший, Витька увлёкся, обгрызая по краям шоколад и выжывая изюм, и подумывал – не купить ли у следующего ларька вторую порцию? А ещё он обдумывал следующий шаг. Блуп сработал, кажется, неплохо, теперь необходимо было укоренить страхи и чуть-чуть подпустить паники. Например, с помощью...

Тут Круглов запнулся о возмутительный штырь, торчащий из асфальта. Палочка от мороженого вонзилась в небо.

А показалось, что прямо в мозг, в самую серединку, пробила его насквозь и выскочила из макушки.

Круглов завыл. Рот почти сразу наполнился кровью, палочка оказалась расщеплённой, с двумя острыми концами. Мороженое упало, парень выдернул изо рта маленькую пику, сплюнул.

Кровь продолжала заполнять рот, Круглов отошёл к дереву и стал её сплёвывать. Кровь не останавливалась, ранка была небольшая, но, похоже, глубокая. Он пытался заткнуть её языком, не получилось. Зато его посетила забавная мысль – он достал жвачку, быстренько разжевал, отделил зубами небольшой кусочек и запломбировал им дырку.

Получилось.

Круглов выдохнул, послал проклятие производителям палочек и поспешил в парк.

Сомёнкова поджидала его возле карусели. С зонтиком – маленький аккуратный зонтик Сомёнковой напротив большого драного зонтика карусели. Круглов пощупал жвачку, затыкающую дырку в его нёбе, и подумал, что Сомёнкова очень хорошо совпадает с общим осенним видом парка. Если бы он умел рисовать, он бы ее, пожалуй, нарисовал. Осенняя карусель, красиво...

Аня заметила его и помахала. Парень помахал ей в ответ.

Они встретились, она протянула руку, и он её пожал.

– Что с глазом?

Круглов пощупал щёку. Надо было очки надеть, забыл.

– Попал под лошадь, – ответил он. – А у тебя как?

– Что – как? – спросила в ответ девушка.

– Ну, Любка как?

– Не пришла сегодня. Действует, что ли?

Витька пожал плечами.

– Она раньше пропускала?

– Никогда.

– Значит, действует. Будем продолжать?

Сомёнкова задумалась буквально на мгновение, сомнения, отметил Круглов, сомнения, а через секунду она ответила:

– А как же.

– Тогда...

Он вдруг понял, что совершенно забыл про свой план. Он его придумал быстро, за несколько секунд, и так же быстро забыл при уколе.

– Что мне ещё сделать? – спросила Аня. – Слепить чучелко из воска, приклеить к его башке Любкин волос и нашпиговать раскалёнными иглами? Так?

– Лучше по-простому – волчью яму. Чего с вуду возиться, это далеко не всегда эффективно...

– Волчью яму я уже пробовала, – ответила Сомёнкова. – Не получилось, у Любки волчье же чутьё, не попалась.

– В тебе проснулось чувство юмора, – усмехнулся Круглов. – Это хорошо. Может, не надо дальше-то?

– Надо, – твёрдо сказала девушка. – Надо.

– Как знаешь. Твой следующий шаг... Начинай ей звонить.

– Звонить?

– Угу, – подтвердил Витька. – Только так. И не иначе.

– Почему звонок?

– Тут всё просто. Во-первых, звонок – это всегда неожиданность, что само по себе чертовски пугает. Во-вторых, звонок – это как крик козодоя. Ты знаешь, кто такой козодой?

– Он кричит... – с неуверенностью ответила Сомёнкова.

– Верное замечание.

Круглов почувствовал, что ему нравится в компании с Аней. Она... С ней как-то спокойнее. И чувствует он себя увереннее.

– А почему он так называется, знаешь?

– Коз доит? – спросила Сомёнкова.

– Наверное... А знаешь, когда под окном завывает козодой, что это значит?

– Смерть, наверное, – предположила она.

– И смерть, конечно, тоже. Смерть, болезни, неудачи... Сейчас в городе козодоя трудно встретить, поэтому его место занимает звонок. Звонит звонок – и человек внутренне вздрагивает.

– Значит, звонок... – Она достала телефон. – И что мне говорить?

– Ничего. Больше всего пугает неизвестность. Если ты скажешь хоть слово – весь эффект пропадёт. Ну, и звонить надо, разумеется, не с мобильного и не с домашнего телефона, а с уличного. По карточке. Или ещё лучше из кафе – заходишь в кафе и звонишь.

– Точно ничего говорить не надо? – ухмыльнулась Аня. – Типа – «семь дней» и тому подобное?

– Такие шутки были в ходу десять лет назад, – зевнул Круглов. – Сейчас никто уже так не пугает. Звонишь – молчишь. Звонишь два раза, не больше и не меньше. Всё понятно?

– Да.

– Ладно, я пошёл, – улыбнулся он.

– И всё? – удивилась Сомёнкова.

– А что?

– Нет, ничего. Ты про звонки мог и по телефону сказать, между прочим, я с тренировки отпросилась.

– Да... Мне просто как-то...

– Понятно, – остановила она. – Всё с тобой понятно. Ты как-то...

Аня понюхала воздух.

– Что случилось-то?

– Потоп, – объяснил парень. – Обычный банальный потоп. Воняю, да?

Сомёнкова пожала плечами.

– Не знаю даже с чего... Знаешь, так всё-то приключилось... У тебя младшие братья есть?

– У меня племянница, – ответила Аня.

– Федул что-то орёт, – сказал Круглов. – Как начал с вечера, так и остановиться не может, орёт и орёт как резаный.

– Может, зубки режутся?

– Может. Не знаю... Слушай, Анна, давай сходим куда-нибудь, а?

– Сходим?

– Ну да. В то же «Театральное».

– Лучше в кино, – предложила она.

– Какой фильм?

– Не знаю. Я в кино люблю просто так ходить, наугад. Придём, купим на семь часов...

Поздно хотя...

– Я провожу.

– Тогда пойдём. В «Искру», тут как раз рядом.

Они пошли. Правда, попасть в «Искру» не удалось, по пути Аню вызвонили из дома. Круглов попытался её проводить, но Сомёнкова разрешила только до остановки, запрыгнула в трамвай и укатила, он остался один.

Было уже темно, Витька отправился к себе, добирался долго. Автобусы в сторону Афанасова шли забитые, а ездить, стоя в толпе, он не любил, лучше уж пешком. Он прождал на остановке почти сорок минут, плюнул и взял такси.

Но в такси тоже оказалось не очень скоро – город стоял в вечерних пробках, машины еле ползли, таксист курил и нервно молчал. И Круглов молчал, хотя ему, если честно, нравилось, когда таксисты разговаривали, рассказывали про семью, ругали правительство. А этот вот попался неразговорчивый.

Они так и молчали.

На переезде заработала рация, таксист ответил:

– Семь-шестнадцать, Афанасово. Что? Ничего не слышу! Оператор! Оператор!

Таксист нервно выключил рацию, буркнул что-то недовольное.

– Что-то случилось?

– Ага, – неожиданно ответил таксист. – Случилось... В ваше Афанасово ездить...

– А что с Афанасовом? Дорога вроде хорошая, недавно проложили.

– Дорога да, дорога хорошая. Только не любит братва сюда работать.

– Почему? – заинтересовался Круглов.

– А...

Таксист опустил стекло, плюнул на улицу.

– Рация у вас плохо ловит почему-то. Магнитная аномалия вроде как. Но не всегда, а как-то временами. Вот сегодня не работает, к примеру. То есть туда я пассажира везу, а обратно взять не могу, бензин жгу, в убыток езжу, бензин не отбиваю. Или вот вчера тоже, вёз одну сюда к вам. Красавицу, блин. Страху натерпелся...

Таксист опустил левую руку к ноге, туда, где у него, видимо, береглась на всякий случай монтировка.

– Кого вёз? – переспросил Витька.

– Девушку, – таксист поморщился. – Вроде нормальная сначала села, говорит, едем в Афанасово. Ну, мне-то что, я поехал, как всегда. Еду, еду, на дорогу смотрю, потом вдруг раз – смотрю – мама дорогая, чуть в штаны не наделал...

Водитель плюнул ещё.

– Что такое? – осторожно спросил Круглов.

– А, ладно, – водитель засмутился. – Глупо...

– Нет, расскажите, – попросил парень. – Я просто тоже разное слышал про наш район, интересно. Я через год на этнографический факультет поступаю, собираю городские легенды...

– Тогда тебе к нам надо устраиваться, – улыбнулся таксист. – Тут таких легенд понасмотришься за год, на всю жизнь хватит.

– Интересная идея, – признал Круглов. – А с той девушкой-то, я не понял. Ну, вчера...

– Вчера? А, да, вчера... У неё лица не было. Когда садилась, я не обратил внимания, а потом посмотрел... – Таксист вздохнул. – Вместо лица что-то такое белое... Пятьсот рублей дала, сдачи не потребовала. Так я отъехал и пятьсот рублей эти выкинул. Вот такие легенды с вашим Афанасовом. Не, к чёрту такую работу, к чёрту. У меня дядька таксовал, потом спился за три года. Нет, надоело. Приехали.

Таксист остановился напротив улицы Генералова.

– Туда не поеду, – сразу предупредил он. – Там грязища у вас, «фокус» встанет, ты уж извини.

– Ничего. Сколько с меня?

– Сейчас... Ну вот, опять, – водитель постучал по прибору. – Счётчик сдулся, по нулям снова. Вчера, кстати, тоже такое было, таксометр кривлялся.

– Я могу и не по счётчику, – сказал Круглов. – Мне всё равно чека не надо.

– А, мне тоже, – махнул рукой таксист. – Ухожу. Надоело. Пашешь-пашешь, а денег всё равно нет. С тебя триста.

Витька расплатился, выбрался из машины и побрёл по улице Генералова к дому. Луна висела непривычно низко, он видел лунные горы и лунные ущелья и известного лунного зайца с теннисной ракеткой, только сейчас этот заяц почему-то выглядел совсем не зайцем, а облезлым котом каким-то.

Дома было темно, оказалось, что отец ещё не вернулся. Без света дом выглядел мрачно, покинуто и забыто, заходить в него не хотелось, но возвращаться по кривой и промёрзшей улице Генералова хотелось ещё меньше.

Круглов набрал номер отца. Отец сообщил, что Федула получилось успокоить уколom, зато занервничала мать, сказал, что он сам останется в больнице на ночёвку, что пусть сын закроется и сделает себе бутерброды, он приедет утром. Стало совсем грустно. Бутерброды делать было лень, парень поднялся в свою комнату и стал растапливать печь. Сейчас это полу-

чилось плохо, дрова успели отсыреть, и огонь не хотел принимать их даже с помощью парафина, так что пришлось использовать для растопки бумагу для принтера. Круглов прекрасно умел растапливать печи, камин и разжигать костры, однако в этот раз ему не хотелось применить своё умение. Он достал свежую пачку, комкал бумагу, совал её в топку и поджигал. Бумага прогорала, огонь не перекидывался на поленья, так продолжалось довольно долго, наконец поленья занялись, и парень снова устроился в кресле. Печку он обложил дровами, чтобы сушились, и попробовал уснуть.

Не получилось – к ночи дом наполнился звуками, которые пугали. Из-за леса выполз заморозок, вода, просочившаяся в трещины стен, застывала и пела, размокшее дерево изгибалось, казалось, что дом ожил, наполнился вздохами и невидимым движением.

Круглов терпел достаточно долго, убеждал себя в том, что это всего-навсего погода, климат, к полуночи звуки сделались нестерпимыми, он спустился в гараж, открыл «БМВ». Достал меч. Отец занимался кэндо, мечей в доме было полно. Деревянные, дюралюминиевые, бамбуковые, надувные, всякие. Имелся и настоящий, выкованный вполне себе японским кузнецом, стоивший немало денег и, как полагают, разрубавший на лету шёлковый платок, он хранился в родительской спальне в оружейном шкафу. В машине же отец возил безопасную с виду, но грозную в руках мастера пластиковую катану. Её Круглов и достал. Он не очень хорошо обращался с мечом, но это было самое грозное оружие из доступных.

Витька вернулся к печке, забросил побольше дров и стал смотреть на луну. Она почему-то стала ещё ближе к земле, и тени тянулись к дому и заглядывали в окно, сплетаясь в затейливые узоры.

Он всё-таки уснул. Не заметил как, с открытыми глазами, глядел на игру света и теней на размокших обоях и поблёскивание целлулоида на корешках книг и выключился.

И увидел тень.

На противоположной стене.

Дерево, точно дерево, Круглов попытался себя успокоить. Вчера отец включил освещение по периметру, деревья спилить не успели, теперь они отбрасывают тени. Причудливые, деревья могут отбросить самые диковинные тени...

Например, чудовищ. Похожих на огромного богомола, составленного из лапок, суставчатых щупалец, челюстей, рогов и острых углов. Как в «Чужом». Только это не в кино, это настоящему на стене, в трёх метрах, театр теней...

Чудовище шевельнулось. Задвигало лапами и рогами на спине, повернуло ужасную голову, жвалы сошлись, Круглову показалось, что он услышал чавкающий звук. Он попытался проснуться, но не получилось, отчего понял, что он находится в самом тяжёлом из снов – в полудрёме. Парень прекрасно знал методы выхода из такого сна – надо перестать стараться проснуться и расслабиться, успокоиться, только вот успокоиться как раз не получалось, потому что тень, поселившаяся на обоях, приближалась.

Тогда Круглов стал кричать.

Это тоже было неплохим способом – кричать как можно громче: имелся неплохой шанс услышать самого себя и тоже проснуться.

Тень смещалась в его сторону. Ближе, совсем близко...

Парень заорал так, что наконец услышал себя изнутри своего сна. И проснулся.

Он тут же опустил руку и нащупал меч. И вдруг почувствовал, как свело правую ногу, от колена до ступни, причём совсем, так что даже пальцы не шевелились. Чудище плотоядно шевельнулось и двинулось к нему...

– А-а-а! – заорал Круглов и слетел с кровати.

Он выставил меч перед собой.

Чудища не было. На подоконнике сидел сверчок Боря. Боря умывался, двигал передними лапками, отчего двигалось сразу всё туловище, мощный уличный фонарь светил прямо на сверчка и отбрасывал тень на стену, увеличивая размер насекомого в десятки раз.

– Опа... – Витька опустил пластиковое оружие.

Аквариум сдвинут. Крышка то есть, на самую малость. Но хватило, чтобы сверчок выбрался. Наверное, во время потопа сместилась.

Круглов положил меч на плечо. Надо поймать Борьку...

Подоконник был пуст, сверчок спрятался.

Спать больше не хотелось. Парень вытер пот, положил голову на подушку. Что-то нервы распустились, на самом деле. Хотя, с другой стороны, осень, осенью нервная система переживает самые нагрузки – день сокращается, света всё меньше и меньше, организм воспринимает это как медленную смерть и выдаёт депрессивные реакции. Надо заказать финскую лампу, имитирующую солнечный свет, при продолжительном смотре на такую лампу улучшается настроение...

Можно свечей зажечь, они тоже успокаивают. Круглов уже потянулся за коробкой, но вспомнил, что свечи имеют весьма забавный эффект – света они прибавляют, но мало, в основном сгущают тьму вокруг. Да и гаснут часто, а это неприятно – начинаешь думать, что свеча не просто так погасла, а что её потушили. Задули или задул. Тот, кто стоит за спиной.

Луна продолжала висеть над лесом, должна была сдвинуться, а висела. Город был в другой стороне, его зарево не сбивало лунный свет, сегодня Луна была особенно близка и хороша, видны все кратеры, все горы, каждый след американского астронавта виден.

В голову начала лезть привычная дрянь – про космонавтов-смертников, долетевших до Луны и оставшихся на ней погибать. Про пришельцев, обосновавшихся в лунных пещерах, про Древних, спящих на тёмной стороне, про байки о том, что обратная сторона на самом деле красного цвета, и когда Луна всё-таки обернётся к нам ею, тут всем и наступит большой трюндец.

На крышу что-то упало. В этом месте дом имел два этажа, и сразу над комнатой Круглова была крыша, железная и очень гремучая – когда начинался дождь, он слышал каждую каплю, и это ему нравилось. Сейчас небо было безоблачным, и никакой дождь не намечался. Но на крышу что-то упало. Причём достаточно тяжёлое, не шишка с соседней сосны, скорее камень.

Откуда камень на крыше? Град? На град похоже. Как-то раз было – град, по весне, – так долбало по крыше...

Но это не град.

Птица. Точно, птица, то есть мышь летучая, шлёпнулась на крышу, охотится на насекомых.

Витька выдохнул с облегчением. Летучая мышь. Отец установил фонари, и летучие мыши теперь вокруг них кружатся, всё понятно. А на крышу они приземляются, чтобы отдохнуть, тут тоже всё понятно. Правда, звук какой-то металлический... может, у летучей мыши протез? Летучая мышь с железной ногой.

Бряк. Ещё. На крышу упало тяжёлое, но на этот раз оно не остановилось, а скатилось по железному покрытию. Камень. Какой-то шутник кидается камнями.

Почему-то Круглов подумал про Сомёнкову. Она перепугалась и решила приехать к нему в гости... В два часа ночи, ага.

Надо проверить. Если какой-то дурак... Дураков Круглов не любил. Он вооружился мечом, натянул куртку и вышел из своей комнаты. В доме стояла тишина, похрустывали заболелые часы, скрипели ступеньки на лестнице, под отставшими обоями перекачивались засохшие шарики клея. Дом спал.

Парень спустился на первый этаж, открыл дверь, выглянул во двор. Тихо и светло.

Никого.

Газон с вечнозелёной канадской травой до самого забора. И всё. Круглов сжал меч покрепче и двинулся к центру газона, чтобы посмотреть на крышу. Видимо, ночью город накрыл лёгкий заморозок – трава ломалась под ногами со стеклянным звуком, Витька шагал по хрустальной поляне.

В середине газона блестел разбрызгиватель, Круглов остановился возле него и посмотрел на крышу.

Ничего, ни камней, ни шишек, обычное зелёное железо. В принципе, железо могло нагреться за день, а теперь, при заморозке, начать щёлкать, такое вполне могло быть, летом так и бывало. Но сейчас не лето...

Шаг.

Он услышал шаг. Точно такой же, какой слышал недавно в лесу. Хотя немного и другой. Более тяжёлый, словно существо, шагавшее за ним в окрестностях Бухарова, подросло.

– Ну ладно, сволочь, – сказал парень и двинулся к краю участка.

6. Деревяшка

– Анна!

Сомёнкова открыла глаза, посмотрела на часы. Семь. Самое утро, можно спать и спать, до одиннадцати, ладно, не до одиннадцати, до девяти хотя бы...

– Круглов, ты дурак? – спросила она. – Ты знаешь, сколько времени? Воскресенье, между прочим, все приличные люди спят!

– Приезжай, – попросил он.

– Куда? – не поняла Аня.

– Ко мне, куда ещё-то? И поскорее.

– Что-то случилось? – Девушка насторожилась.

– Случилось. Потом объясню, давай по-скорее.

И он отключился.

– Дурак, – повторила она. – Дурак, хам... Ещё раз дурак.

Ехать на окраину города воскресным утром, в единственный день, когда можно отдохнуть и отоспаться... Ненормально. И вся эта история ненормальна, как и сам Круглов. Не ездить, что ли? Сказать ему, что у неё болит голова, что она вчера вывихнула лопатку, эпидемия на носу...

Не отстанет. Почему-то ей казалось, что он не отстанет. И что если она сейчас не отправится к нему, то скоро зайвится сам Круглов. Он, значит, зайвится, и тут из своей берлоги появится папаня, не до конца отдохнувший после вчерашнего отдыха, ухмыльнётся и скажет: «Здравствуй, зятёк...»

Нет уж, лучше съездить к Круглову самой.

Через полчаса Аня собралась и вышла к остановке. Повезло, автобус стоял на конечной, дожидался пассажиров, девушка забралась на заднее сиденье, достала термос и стала пить кофе. Она пила его до самого Афанасова и выпила почти целый литр, и съела четыре бутерброда из низкокалорийных хлебцев с обезжиренным сыром, отчего как следует разозлилась.

Круглов предупредительно ждал её на остановке. Он как-то осунулся и похудел, Сомёнковой вдруг стало его жалко, и она предложила ему последний, пятый бутерброд. Он не отказался.

До дома шагали молча. Она опасалась что-то спрашивать, а сам парень молчал, хмурился, собирал камни и прятал их в карман, ей это не нравилось. Но заговорить она решила только возле дома.

– Ладно, – сказала Аня, – зачем звал? В молчанку играть?

– Здесь рядом уже, десять метров.

Круглов двинулся вдоль забора, остановился, стал вглядываться в землю под фундаментом.

– Что ищешь-то?

– Тут были шаги... – растерянно сказал он.

– Шаги?

– То есть следы, – поправился Витька. – Вдоль всей стены. Как раз напротив моей комнаты. Вот прямо здесь!

Он указал пальцем в землю.

Сомёнкова поглядела на грязь с сомнением. Никаких следов. Обычная глина, размытая дождём, возле заборов всегда такая грязь, пластиковых бутылок здесь только вот не хватало.

– Здесь всё истоптано было! – сообщил Круглов. – Всё-всё!

Он поглядел на неё безумными глазами, под одним синяк.

– Ты сегодня спал вообще? – спросила Сомёнкова.

– Немного... Возле рассвета... Слушай, как я мог уснуть, если у меня всю ночь шаги возле забора, а?

– Ну, мало ли кто возле заборов шляется? – пожала плечами девушка. – Пьянь какая-нибудь.

– Пойдём, я тебе покажу.

Парень направился к дому. Анна потащила за ним, хотя на самом деле ей хотелось к себе. Не в этот трёхэтажный особняк, а в свою двухкомнатную хрущёвку.

Дверь в дом оказалась закрыта, Круглов долго брякал ключом, отпирая замок. А потом ещё один замок. Сомёнкова переминалась рядом. Наконец дверь отворилась.

В холле остро пахло химией. По стенам извивались красные узоры, и кое-где уже зацвёл грибок, в углах отклеивались обои, паркет под ногами встопорщился и немилосердно скрипел. На полу валялись скомканные газеты, очень много. Мебель отодвинута от стен и стоит кое-как, некоторая на деревянных чурбаках – чтобы не размокала. В потолок смотрят красные, похожие на бочки тепловые пушки.

– Что это здесь...

– Потоп, – ответил Круглов. – Труба лопнула, горячей водой всё залило. Разгром, короче. Надо ремонт делать.

– Да... – сочувственно кивнула Аня. – Нас в этом году тоже заливали. И в прошлом. Нас вообще часто заливают, мы и обои уже не клеим. А тихо что так? Где Федул, где все?

– Отец мать в больницу отвез. Федька спать перестал. Не спит и всё орёт как ненормальный.

– Почему?

Он не ответил.

Они поднялись наверх по поющей лестнице, на ступенях которой по краям уже начала заводится зеленоватая плесень. В комнате Круглова разрушений оказалось даже больше. И сами они были масштабнее как-то, наверное, на фоне небольшого размера помещения. Стены покрывала неприятного вида бурая короста, возникшая от смешивания обойного клея с водой, короста поблёскивала влажностью и походила на живую. Кирпичи, покрывавшие железную печь, были расковыряны и валялись на полу в беспорядке, сама печь покрылась ржавчиной и походила на пузатую цистерну, забытую на железнодорожных путях. Потолок странным образом деформировался, выгнулся вниз, надулся полуметровым, весьма угрожающим пузырьком.

– А это что? – кивнула Сомёнкова.

– Вода, – пояснил Круглов. – Натекла в натяжной потолок. Надо техников вызывать, а сейчас руки не доходят... Так оригинально?

– Пугающе. На психику давит... А если проткнуть?

– Ещё один потоп. Да ладно, не обращай внимания. Смотри сюда.

Он включил компьютер, сдвинул стулья.

– Понимаешь, эти шаги – они довольно долго продолжались, только под утро стихли. Я подождал немного, а потом вышел посмотреть. И сфотографировал. Всё сфоткал, смотри здесь.

Витька открыл папку.

– Смотри.

На экране возникла блестящая грязь. Сомёнкова принялась в неё вглядываться, однако ничего необычного не обнаружила – та же самая грязь, что они разглядывали десять минут под забором. Только сейчас она сияла. Причём довольно ярко.

– Странно... – Круглов принялся листать фото. – Странно, тут всё это...

На фото одна грязь сменялась другой, и все эти грязи сверкали. Никаких следов.

– Ну и что? – спросила Анна.

– Да, действительно... – Он потёр лоб. – На самом деле... Видимо, это из-за заморозка. Надо было без вспышки фоткать, она выхватила лёд... Ничего не видно. Какая дурацкая ситуация...

Аня поглядела на потолок. А что, если он лопнет сейчас вот, немедленно, то их всех зальёт холодной и грязной водой.

– Но следы были! – сказал Круглов. – Я не вру.

– Я верю, верю, – кивнула она. – Всё так и было, следы, шаги, потолок вот-вот лопнет. Это всё чрезвычайно интересно...

– Это ещё не всё. Шаги – это ещё не всё... Мне ещё на крышу что-то кидали.

– Что?

– Похоже на камни.

– И где эти камни? – осведомилась девушка.

– Не знаю.

– А что ты не посмотрел?

– Я посмотрел, только не нашёл ничего. Может, это не камни были, а куски льда. Я сразу не вышел посмотреть...

– Почему?

– Потому, – развёл руками Круглов. – Понимаешь, эти шаги... – Он поёжился. – Это были не очень обычные шаги.

– То есть?

– То есть они... Странные.

Сомёнкова увидела пластиковый меч, вздохнула. Поглядела на парня. Ей очень хотелось понять – это что? Он мог вполне над ней издеваться, судя по всему, человек он вполне себе фантазёрский, мог запросто придумать изощрённый розыгрыш... Вот она, дура, к нему ездит, а он всё на камеру снимает, а потом кино сделает и в Интернете выложит.

– Какие странные? – спросила Аня.

– Понимаешь... Это... Не человеческие, короче.

– В каком смысле?

– В прямом. Они похожи на козы.

– Круглов, – поморщилась девушка. – Ты меня вызвал рассказать, что ты увидел козы следы у себя под забором и от этого впал в панику? Я бы ещё вполне себе преспокойненько отдыхала...

– Я не впал в панику, я просто тебе рассказываю. И это не козы следы, они только похожи на козы. Но на самом деле гораздо больше. Как кабаны.

– Тут же лес вокруг, тут вполне может быть полно этих кабанов. Лето жаркое, еды мало, вот они и выходят...

Парень покачал головой.

– Они и ещё по-другому странные были. Они неравномерные, что ли... То есть один шаг – и тишина. А потом ещё два... Понимаешь, так люди не ходят.

– А кто так ходит? Бука? – ухмыльнулась Аня.

Круглов промолчал.

– Я тут передачу смотрел, – сказал он через минуту. – Про то, как камни на крышу кидали.

– И что?

– И то. Люди заблудились в лесу, вышли к заброшенной сторожке, решили в ней переночевать. И вот ночью на крышу тоже стали кидать камни. Сначала один, потом другой... И шаги ещё, сначала они в отдалении как бы слышались, потом всё ближе и ближе... А наутро их никого не нашли, они все исчезли.

– А кто же тогда рассказал всё это? – спросила Сомёнкова.

– Кто-кто, сами они и рассказали. Они всё на видео записывали, всю ночь. Как камни падали, как ходили рядом...

– Послушай-ка, Круглов, – вздохнула Аня. – Ты, конечно, меня дурой полной считаешь, но «Ведьму из Блэр» я смотрела.

– Правильно, – кивнул он. – Всё правильно, «Ведьму...» как раз по этому случаю снимали. Там пять человек исчезли, и на записях отчётливо слышно, как на крышу падают камни и ветки. А потом такой жуткий крик – и всё, запись обрывается.

– Ага, – кивнула девушка. – Так оно и есть. Ты меня-то зачем вызвонил? Пересказать пару замшелых сказок?

– Нет. Я тебя спросить хотел... – Круглов замялся и поглядел на книжную полку.

– О чём же?

– Ты мне точно всё рассказала? – спросил он негромко.

– Про что? – не поняла Аня.

– Про Любку свою. Всё?

– Всё, что ещё?

– А с чего вы поссорились?

– Из-за ерунды, – тут же ответила Сомёноква. – Действительно из-за ерунды. Так, слово за слово. Я хотела извиниться потом, а Любка на меня рассердилась, видимо, очень, стишок про меня сочинила...

– Какой?

– Гадкий.

– Расскажи?

– Зачем? – упёрлась девушка.

– Стишок – это очень важно, – сказал Круглов. – Просто чрезвычайно важно.

– Чем же это важно?

– А вдруг это не просто стишок? – спросил он. – Вдруг это не стишок, а заклинание?

Аня растерялась.

– А что, запросто, – рассуждал Витька. – Ты думаешь, что это обычная дразнилка, а на самом деле она всю программирует!

– На что программирует?

– Откуда я знаю? Прочитай, тогда скажу.

– Ладно.

Сомёноква уставилась на стену и прочитала:

Анна Сомёноква похожа на булку,

Забывшую в сумке на остановке.

Сомнительной свежести булку,

Да и движенья неловки,

Да и мысли несвежи,

Точно рубашки невежи.

Анна Сомёноква похожа...

Нет, всё-таки булка.

– Неплохо, если честно, – признал Круглов. – В литературном, разумеется, плане.

– Может быть, – согласилась девушка. – Только с тех пор меня все стали звать Булкой.

Как?

– Ты совсем на булку не похожа...

– Я не о том. Ты говорил, что тут заклятие.

Парень помотал головой:

- Нет, заклятия, кажется, нет. Просто обидные стишата.
- Да уж... А вообще, я её не очень хорошо знаю, – сказала Аня. – Она к нам в прошлом году переехала, мы как-то сразу подружились.
- Откуда переехала?
- С Севера откуда-то. То ли с Камчатского полуострова, то ли с Кольского... Точно, с Кольского. Кола Пенинсула, я у неё открытку видела.
- Ясно. Ясно, что ничего не ясно. Булавку ты точно воткнула?
- Точно, – устало ответила она. – В чехол для коньков, всё как ты велел. А что?
- Я вот что думаю... А если мы на самом деле наткнулись на... – Круглов огляделся, помотал головой. – Как в том рассказе, про охотников на призраков...
- В каком рассказе?
- Это классика, – кивнул он на книжную полку. – Рассказ про двух студентов, которые ловили призраков. Призраки, конечно, не туманные тени с кандалами, а вполне себе объяснимые явления. Кирпич в трубе вывалился – и в ветреную погоду вой страшный раздавался. Или кровавое пятно на полу периодически возникало... – Круглов кивнул на залитые красным обои. – Или излучения разные, тени всякие, ну и прочая дребедень. Они весьма успешно таких вот физических призраков отлавливали, пока не наткнулись на настоящего... Может, и мы так? Решили пугануть псевдоколдовскими способами и напоролась на... ведьму? – Последнее слово он произнёс еле слышно.
- Любка – ведьма? – рассмеялась Сомёнкова. – Нет, Круглов, ты и в самом деле... Книжек перечитал.
- Анна постучала кулаком об стену. Звук получился пустой и неприятный, она аж руку отдернула.
- Гипсокартон, – пояснил хозяин. – Распухнет скоро. Ведьма, а?
- Маловероятно, – помотала головой девушка. – Она непохожа...
- Ведьмы – вовсе не крючконосые старухи с пролежнями, они такие же... Ну, вот как ты. Обычные.
- Сомёнкова фыркнула.
- Я не то имел в виду, я хотел сказать, что ведьму, особенно настоящую, в толпе не отличить, она похожа на тётку из газетного киоска. Я вот что думаю...
- Круглов расхаживал по комнате.
- Вот что... Мы решили её напугать, а она подумала, что всё это по-настоящему. И нанесла ответный удар. Всё сходится. У меня дома полопались трубы. А до этого меня кто-то преследовал в лесу...
- Любка, что ли? – спросила Аня. – Гналась за тобой в ёлках?
- Парень промолчал.
- Забавно... – усмехнулась девушка. – Вот уж не думала... Слушай, Круглов, а фонарь не она тебе, по случаю, приставила?
- Нет, это я сам себе... Ну, упал то есть. А глазом наткнулся на ручку от скутеретты... Короче, это сложно объяснить.
- А кто под окнами у тебя тогда ходит? – прищурилась Сомёнкова. – Любка, что ли? Откуда у неё копыта? Коньки у неё, коньки, а не копыта.
- Витька промолчал.
- Надо мне с ней повстречаться, – сказал он. – Посмотреть, так сказать, вживую. Как-нибудь это можно организовать?
- Как?
- Не знаю как... У вас тренировки ведь каждый день проходят?
- Каждый.
- А после тренировки?

– После? Ну, это часов семь-восемь. Стоим на остановке, ждём автобуса. Только там не очень удобно – там только мы.

– А ещё где она бывает? – спросил Круглов. – Кроме коньков, её ещё что-то интересует?

– Да нет вроде... Она на курсы ходит, – вспомнила Аня.

– На какие курсы? – не понял он. – Кройки и шитья? Программистов?

– Нет, она в институт хочет поступать. На факультет лесной промышленности.

– В «деревяшку», что ли? – усмехнулся Круглов.

– Ага.

– А я думал, вы все чемпионками стать собираетесь.

Сомёнкова пожала плечами.

– Понятно. Когда курсы в «деревяшке»?

– В воскресенье...

– Сегодня то есть? – Витька посмотрел на часы. – Прекрасно. Собираемся, ещё успеем, наверно...

– Куда?

– Туда.

Круглов схватил девушку за руку, потащил в гараж. Энергично, так что она не успела даже возразить.

– Ты чего... – Сомёнкова вырвалась только вниз, возле машин. – Чего придумал-то?

– Немного прокатимся. Держи.

Круглов сунул ей шлем.

– Ты меня всю грязью забрызгаешь.

– Не боись.

И он выдал Ане макинтош.

Правда, в саму «деревяшку» она ехать отказалась наотрез, так что парню пришлось высаживать её за квартал, возле автобусной остановки. Сам он приковал скутеретту к чугунной изгороди напротив лесного института, придал себе вид серьёзного молодого человека и направился ко входу.

На крыльце переминались студенты, курили и хохотали, Круглов окинул быстрым взглядом толпу, Любки среди них не было. Ладно. На вахте сидел угрюмый чоповец, он поглядел на Витьку неодобрительно, тот сунул ему под нос читательский билет, охранник равнодушно кивнул.

Круглов прошёл в вестибюль, сверился с расписанием курсов, поднялся на второй этаж, отыскал нужную аудиторию. Стал ждать. Справа у подоконника скучала девушка, Круглов узнал её по фотографии и едва не кивнул. Любка, чемпионка по конькобежному спорту.

Любка неожиданно улыбнулась и направилась к нему. Именно к нему, парень на всякий случай огляделся – нет ли кого рядом? Нет, у подоконника скучал он один.

Девушка приблизилась, улыбнулась ещё, приятная улыбка.

– А вы тоже на курсы? – спросила она.

– Я? Да. Только я с сегодняшнего дня записался. Знаете, решил вдруг стать... лесотехником.

– Да? Как интересно. Я предыдущую лекцию пропустила, хотела как раз спросить...

– Так я тоже первый раз сегодня пришел.

– Ясно.

Девушка снова улыбнулась. На ведьму она совсем не походила, ну, если только на совсем хорошо замаскированную.

– Пора уже, – сказала девушка. – В двенадцатой аудитории?

– Ага, – кивнул Круглов наугад.

Девушка поцокала к двенадцатой аудитории. С лестницы вывалилась стая студентов во главе с плешивым целеустремлённым дядькой, видимо, преподавателем. Студенты галдели, препод смеялся. Круглов вздохнул и поплёлся за ними. Он хотел понаблюдать за Любкой, так, на всякий случай, для успокоения.

Двенадцатая аудитория оказалась довольно большой и замусоренной, Круглов выбрал парту в последнем ряду, ветхую, исписанную печальными стихами и признаниями, устроился по возможности удобно и стал слушать.

Лысый дядька рассказывал про введение в теорию относительности, рисовал на доске иксы, игреки и другие математические закорючки, Круглов наблюдал за Любкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.